От Рио до Мексики… «автостопом»!

Юрий Михайлович Лурье

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В 1990 году Юрий с сыном Стасом, которому было в то время четырнадцать лет, оформили визу-приглашение в Малайзию, и началась эпопея скитаний по миру, которая длилась много лет. Таиланд, Китай, Израиль, Испания, Бразилия. Почти два года они добираются из Бразилии до Мексики, об этом и рассказывает эта книга.

- Ю. Лурье
  - 1. Город — мечта
  - 2. Боливия — Перу. Страна грифов
  - 3. Эквадóр — значит ЭКВÁТОР
  - 4. Прекрасная Колумбия
  - 5. Панамá — это не шляпа, Панамá — это страна!
  - 6. Коста-Рика — «Богатый берег»
  - 7. Никарагуа. «Штурм Гвасáуле»
  - 8. Страна Кецаля
  - 9. Белиз

Ю. Лурье
От Рио до Мексики… «автостопом»!
1992-94 г. г
(записки «блуждающего тренера»)

1. Город — мечта

Чёрное, усыпанное звёздной пыльцой небо, освещённые яркой луной нагромождения облачных скал под крылом самолёта… В салоне тихо, темно. Пассажиры мирно спят, лишь какая-то пара на противоположной стороне приглушёнными голосами ведёт нескончаемую беседу. Рядом еле слышно посапывает во сне мой сын. Смотрю в окно, безуспешно пытаясь в чёрных безоблачных провалах рассмотреть волны Атлантики. Спать не хочется — думал ли я когда — нибудь, что окажусь так близко к своей мечте? А между тем всего несколько часов отделяют меня от Южной Америки и города с волнующим именем Рио-де-Жанейро. Города-мечты незабвенного Остапа Бендера и моей — тоже. Таинственной музыкой всплывают в памяти португальские и испанские названия рек, городов, территорий, почерпнутые из приключенческой, исторической и научно-популярной литературы: Риу-Негру, Рио-Гранде, Мату-Гросу, Амазония, Ориноко… Просыпаюсь от Стасиного толчка. В салоне светло, на телевизионном экране сменяют друг друга рекламные ролики, но пассажиры приникли к окнам. Зрелище и впрямь впечатляющее. Земля ещё покрыта чернильной мглой, но на Востоке прямо на глазах разрастается неправдоподобно яркая полоса зари. Скоро пожар охватывает ватные облачные сугробы под нами, они мгновенно сгорают бездымным пламенем и далеко внизу темно-зелёным ковром открываются бескрайние леса Бразилии. Судя по всему, мы пересекли океан севернее Рио-де-Жанейро, теперь самолёт летит прямо на юг, и встающее на востоке солнце лупит ослепительными своими лучами прямо в окна левого борта. Постепенно снижаемся и впереди уже виден громадный город. Рио-де-Жанейро — «Январская Река» — так почему-то назвал это место португальский мореход Гаспар де Лемос, побывавший здесь в январе 1502 года. Название странное, если учесть, что в здешних местах нет ни одной реки… Именно здесь возник один из самых больших городов мира, унаследовавший это имя. Рио-де-Жанейро, бывший до 1960 года столицей Бразилии, насчитывает в настоящее время 13 миллионов человек, жарящихся, парящихся и изнывающих от беспощадного солнца все 12 месяцев в году. Лично я, если бы от меня это зависело, перенёс город тысячи на две километров к югу. А поскольку меня об этом никто не спрашивает и мнением моим не интересуются — пусть себе мучаются в этом пекле, где столбик термометра в прохладные дни редко падает за отметку +35 °С. Впрочем, судя по цвету кожи, население Рио, в

большинстве своём, прошло предварительную акклиматизацию в экваториальных широтах Африки…

Неожиданно в динамиках звучит музыка: «…Америка, Америка!» — слова американского гимна подхватывает большинство пассажиров, встав с кресел и приложив правую ладонь к левой стороне груди. Наблюдаю, как пытается встать с соседнего кресла добродушного вида лысоватый толстяк. Он только что проснулся и забыл отстегнуть ремень, который пресекает все его попытки принять вертикальное положение, раз за разом швыряя в уютную глубину насиженного места. Показываю соседу на ремень, он отстёгивает, смущённо улыбаясь и подхватывает «Америка, Америка!..» По-видимому, большинство пассажиров — граждане США, хотя самолёт принадлежит уругвайской компании «Плума» и летит из Мадрида. Делаем широкий круг почёта, благодаря чему взгляд охватывает живописную панораму города, и заходим на посадку.

Наши материальные возможности крайне ограничены, поэтому уже через несколько дней нам пришлось покинуть двухзвёздочный отель «Регина», гостеприимно принявший нас в свои кондиционированные объятия, что называется, прямо с трапа самолёта. Благо, у в том районе полно гостиниц, не столь комфортных, как «Регина», но имеющих одно немаловажное для нас преимущество — дешевизну. Правда, не раз с запоздалым раскаянием вспоминали мы утренний «шведский стол» в этом отеле, которым, как нам кажется, мы не воспользовались в полной мере… Тем более, что его стоимость входила в оплату номера. После нашего переселения в «Лисбоа», в городе начался переполох, вызванный приездом делегации знатных наших земляков, во главе с экс-Президентом и экс-Президентшей экс-СССР: К сожалению, Михаил Сергеевич и Раиса Максимовна остановились не в «Лисбоа», а в находящейся всего в полутора кварталах пятизвёздочной «Глории». Но обиды не держим — вся делегация просто не вместилась бы в маленькую гостиницу… Повидаться же с соотечественниками в их апартаментах тоже представлялось проблематичным ввиду большого числа почитателей государственного таланта М. С. Горбачёва, одетых в военную и полицейскую форму. Подсчитав нашу наличность, мы поняли, что попасть на обед или лекцию (главные мероприятия, проводимые гостями во всех странах, ими посещаемых) шансов у нас ещё меньше, точнее — вообще нет. Ведь за право посидеть за одним столом с «главным перестройщиком» необходимо выложить 500 (пятьсот) долларов. Билет на лекцию стоил несколько дешевле — 300. К счастью, желающих оказать материальную помощь семейству Горбачёвых со всем их

многочисленным штабом, было достаточно. Думаю, до Чили они добрались не попутными машинами… Хочется надеяться, что лекция, прочитанная Михаилом Сергеевичем в Рио-де-Жанейро, даст новый толчок экономике Бразилии и приведёт, в конечном счете, к её расцвету. Правда, я не совсем уверен, что темы лекций, которые читает Горбачев в своих круизах, связаны с экономикой. Скорее, с практикой государственного строительства, где, как известно, Михаил Сергеевич особенно силён…

Супружеская чета Горбачёвых отбыла в Чили, где их давно и с нетерпением ждут, нам же дорога туда заказана. В консульстве Чили на наш запрос о тур. визе в эту страну из Сантьяго пришёл отказ. Граждан, имеющих паспорт СССР, в эту страну не пускают, как, впрочем, и во многие другие…

Три с половиной месяца прожили мы в Рио. Не раз хотелось мне ущипнуть себя, чтобы проверить — не сон ли это — гора Корковадо с символом Рио, исполинской статуей Христа, знаменитый пляж Копакабана, тропическая зелень на окружающих город холмах… Но ущипнуть себя так и не решился. И не из страха перед болезненными ощущениями, а того… что в самом деле проснусь!

Большое впечатление произвели на нас рынки Рио, на которых от обилия диковинных плодов всевозможных размеров и расцветок буквально рябит в глазах. Понравилось метро. Очень чистые станции без обычной для Москвы и Питера суеты. Негромкая музыка — в основном, бразильские ритмы. Вагоны очень комфортабельные, серебряного цвета, с кондиционированным воздухом. Поезда движутся совершенно бесшумно — нет привычного перестукивания колес на стыках рельсов. Запомнилась поездка в маленький туристско-рыбацкий городок Мангарачи́ба. Удивительно красива дорога среди причудливой формы гор, где в яркой зелени здесь и там низвергаются водопады, а на берегах крошечных бухт и заливов краснеют черепичные крыши маленьких селений.

Рио-де-Жанейро мы облазили, что называется, вдоль и поперёк, от блестящих небоскребов центра до нищих фавел окраин. Надо сказать, что спокойным этот город назвать трудно. Здесь идет настоящая война между полицией и фавелами, являющимися оплотом различных криминальных и террористических группировок: от торговцев наркотиками до экстремистских разной политической ориентации. Чуть не каждый день газеты сообщают о нападениях на полицейские посты или одиноких полицейских в тех или иных районах города, за которыми обязательно следуют «акции возмездия» — рейды полиции в фавелы. Во время нашего проживания в Рио-де-

Жанейро в течении нескольких дней газеты и телевидение «обсасывали» трагедию в тюрьме Сан-Паулу, где случился бунт заключенных, завершившийся убийством нескольких полицейских, захваченных заложниками. После этого в тюрьму вошел спецотряд полиции, подавивший бунт с невиданной жестокостью. По некоторым данным, погибло около 700 заключенных. Вообще, как нам сказали, в городах Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу за ночь погибают насильственной смертью от 30 до 50 человек. Страшные цифры…

Несколько дней подряд по телевизору транслировали бои любительского чемпионата Бразилии по боксу. Я бы не сказал, что уровень мастерства большинства участников был высок. Здесь, как и в большинстве стран Латинской Америки, очень популярен профессиональный бокс. Поэтому большинство молодых бойцов, ещё делающих первые шаги на любительском ринге, попадают в профессиональные «конюшни» задолго до завершения боксёрского «начального» образования. Я отнюдь не против профессионального спорта. Более того, считаю, что каждый имеет право зарабатывать на жизнь своим искусством. В том числе и искусством бокса. Но, подчёркиваю — искусством. Здесь же, в Бразилии, мне пришлось видеть бои профессионалов, так сказать, «среднего эшелона». В том числе поединок средневесов из Бразилии и Парагвая за звание чемпиона Южной Америки. В этих боях об искусстве не могло быть и речи. Разве что об искусстве выдерживать сильнейшие удары, доходившие до цели почти беспрепятственно. Думаю, шокирующие цифры, приведенные мне в Любительской Федерации бокса Бразилии о числе молодых профессионалов, попадающих в больницы после таких поединков, объясняются именно этим. Вообще, иные бразильцы обладают прекрасными природными данными для достижения высоких результатов в боксе. Они сильны, стойки в бою, выносливы, честолюбивы.

Нет сомнения в том, что получив хорошую «школу» в любительском боксе, многие из них могли бы добиться успеха на ринге профессиональном. Но — увы! О хорошей школе они могут только мечтать. Грамотные тренеры работают, в основном, только в профессиональных залах. Мне пришлось посетить несколько любительских клубов. Тренировочные занятия, по большей части, производят удручающее впечатление, как и их оснащённость. Тренируются, в основном, сами, получая советы от своих же товарищей, имеющих столь же примитивную подготовку.

Надо сказать, что спорт в Бразилии любят. Не говоря уж о боксе — телевизионные репортажи из Сан-Паулу во все дни чемпионата показывали битком забитые трибуны огромного

Дворца Спорта, где, как говорится, «яблоку негде упасть», — большое число зрителей собирают соревнования по пляжному волейболу, баскетболу, легкой атлетике. И, конечно, Футбол. Это — страсть бразильцев, от мала до велика. Вдоль всей многокилометровой набережной Рио-де-Жанейро тянутся сплошной полосой футбольные площадки с грунтовым и тенниситовым покрытием. С раннего утра и до позднего вечера на них азартно сражаются команды — дворовые, школьные, квартальные. По субботам и воскресеньям на них идут игры чемпионатов улиц, районов, воинских частей. Причём, независимо от уровня соревнований, команды обязательно полностью экипированы. Судейство осуществляют бывшие профессиональные игроки, их работа оплачивается самими участниками. Мне не раз приходилось видеть, как все члены играющих команд «скидывались» на оплату судьи. И, что самое удивительное, я ни разу не видел, чтобы игроки пререкались с судьёй, даже когда его решение бывало весьма спорным.

Мне удалось наладить контакт с федерацией любительского бокса штата Рио-де-Жанейро в лице её Президента, сеньора Маурисио, по просьбе которого подготовил план проведения семинара с тренерами, судьями и наиболее подготовленными боксёрами штата. Переводчиком был наш друг, Жозеф, бывший военный лётчик Вооружённых сил Республики Ангола. В своё время он окончил военное училище в г. Фрунзе. Жозеф вообще очень помог нам, особенно в первое время, пока Стасик не стал более-менее сносно общаться на португальском. Стас, как оказалось, имеет способности к языкам и за два года хорошо освоил английский, значение которого в нашей кочевой жизни трудно переоценить. Кстати, знание именно этого языка открыло ему возможность проникновения в респектабельный яхт-клуб «Марина», где очень пригодились его многолетние занятия в Геленджикском яхт-клубе. Здесь Стас обзавелся множеством друзей, благодаря чему получил возможность подрабатывать, помогая европейским и североамериканским яхтсменам в ремонте судов. Особенно запомнилось знакомство со смельчаком-шведом, Питером, пересёкшим в одиночку Атлантику на крошечной, менее 6 метров, яхте, собственноручно переделанной из простого швертбота! И этот мужественный моряк готовился продолжить кругосветку, обойдя страшный мыс Горн!

Как-то, возвращаясь из «Марины», средь белого, как говорится, дня, Стас столкнулся с группой чернокожих парней. Как рассказывал сын, их поведение наводило на мысль, что в ближайшие мгновения от них трудно ожидать проявлений братских чувств в духе пролетарского интернационализма. Эти

его соображения тут же подтвердил самый крепкий из компании, очевидно вожак. В руке его как-то сам собою появился предмет, в предназначении которого было трудно, ошибиться и тут же последовала команда: «Ну ты, гринго, деньги!» Стасу, естественно, было трудно расстаться с кровными, тем более что в карманах не было ничего, хотя бы на ощупь напоминающего требуемое. Ситуация сложилась пиковая, но тут на помощь Стасу пришёл его, весьма далекий от совершенного, португальский. Как рассказывал Стасик, в эту минуту он вспомнил даже те слова, которых и не знал. Желая объяснить причину отсутствия денег, Стас возопил: «Ну откуда у меня деньги, я ж не гринго, я русский!» Словом, «внутренний голос» подсказал ему единственный аргумент, который мог его спасти. Реакция вожака была неожиданной: он заулыбался — «О, камарадо (товарищ)! Извини, думали — „гринго“! Ты, „РУСО“, можешь ходить здесь когда захочешь. Если что, скажи, что друг Жуана!» Поболтав немного и перезнакомившись, новые приятели разошлись. Но, как честно признался Стас, до самой гостиницы шагал с «ватными коленками». Что «гринго»; североамериканцев, здесь, в Латинской Америке, не любят и традиционно противопоставляют им выходцев из СССР или Кубы, мы имели возможность убеждаться неоднократно.

В Рио мы познакомились с несколькими русскими, осевшими здесь в разные годы. Особенно благодарны мы двум женщинам — Галине Семеновне, работающей в Институте Русской Культуры и маленькой хрупкой Кате, имеющей небольшое кафе на авениде Президента Варгаса. Это кафе — своего рода «Русский клуб», где справляет свои праздники крошечная русская колония Рио и где каждый новый соотечественник всегда получит дельный совет, сочувствие и поддержку. Здесь прошёл и Новогодний праздник, в подготовке которого (украшении помещения репродукциями зимних русских пейзажей и ёлочными игрушками, приготовлении угощения) приняла вся русская колония, в том числе и мы. На вечере присутствовали не только русские, которых набралось около полутора десятков, но и гости — бразильцы, большая часть которых посещала институт Русской Культуры.

В Рио-де-Жанейро много интереснейших музеев. Особо хотелось бы выделить Картинную галерею с весьма приличным собранием картин бразильских и западноевропейских художников и музей Морского Флота. В нём целых два зала посвящены красе и гордости военно-морского флота Бразилии, четырёхтрубному броненосцу постройки 1896 года, прослужившего флагманом аж до 1954 года. Мы со Стасем долго обсуждали вопрос, можно ли к наименованию «Военно-морской

флот Республики Бразилия» добавить титул «Непобедимый». В конце концов решили, что можно. Ибо никогда не слышали о поражении Военно-морских сил Бразилии. А вы слышали?

Всему на свете, как известно, приходит конец. К сожалению, пришёл конец и нашей бразильской идиллии. Опять вмешались «потусторонние» силы. Шедшая уже который год борьба пролетариата в далекой Португалии завершилась полной победой рабочего класса. Президент этой страны издал закон, направленный против выходцев из португалоязычных стран, работающих в Португалии. Согласно этому закону липам, не имеющим постоянной рабочей визы, запрещается работать как в государственном, так и в частном секторе Португалии под угрозой огромного штрафа и принудительной высылки из страны. Чуть не месяц телевидение оскорбленной Бразилии показывало забитые возвращающимися аэропорты Сан-Паулу, Ресифи, Рио-де-Жанейро и Бразилиа. Возмущённый народ потребовал от нового Президента принятия ответных мер. И они были приняты незамедлительно в виде аналогичного Указа. Вот уж воистину — «паны дерутся, а у мужиков чубы трещат…» Ведь в Указе не сказано, что он направлен против португальцев. А мы ведь тоже некоторым образом «иностранцы»… Виза наша кончилась, получить рабочую в нынешней ситуации можно только выехав из страны. Купили билет на автобус до Сан-Паулу и, осмотрев этот город — промышленное сердце Бразилии — двинулись на Запад, надеясь в г. Бау́ру сесть на поезд, идущий к границе Боливии. В реальности этого плана нас убеждала карта, с обозначенной на ней железнодорожной веткой. Увы! — по прибытии в Бауру нам предстояло узнать, что поезда отсюда уже никуда не ходят… Пришлось садиться в попутную машину, идущую в столицу штата Мату-Гросу до Суль, г. Кампо-Гранде. Стоит ли говорить, что в Кампо-Гранде выяснилось, что поезд на Боливию здесь столь же редкое явление, как град, величиною со страусиное яйцо… И снова дорога — до самого приграничного с Боливией города Курумба. И хотя несколько суток, проведённых в дороге в отнюдь не комфортных условиях, — не самое лёгкое испытание, трудности пути с лихвой окупились изумительными по красоте пейзажами Бразилии. Бескрайние зелёные равнины, на которых пасутся стада зебу, со снующими между ними страусами, болота, в которых спокойно плещутся капибара — самые большие грызуны планеты (они достигают 60 кг веса и роста почти до метра). Эти животные, немного напоминающие гигантских морских свинок, почти совсем не боялись машин, когда мы проезжали мимо них по просёлку. Горы причудливой формы, их густая зелень расцвечена жёлтыми и ярко-красными оползнями.

Могучие реки Парана́ и Парагвай, которые наш транспорт форсировал на допотопных паромах — ими, наверное, пользовались задолго до того, как великие путешественники, чехи Зигмунт и Ганзелка побывали здесь со своей «Татрой», написав в пятидесятых годах замечательную книгу «Там, за рекою — Аргентина»… На коротких остановках перекусываем, рассматриваем сувениры, предлагаемые индейцами. В основном, это фигурки людей и животных, вырезанные из неизвестных нам пород дерева, примитивное оружие, украшения из кости, камней, цветных птичьих перьев, чучела птиц, рыб и животных, населяющих местные водоёмы и сельву. Не удержались и купили чучело знаменитой рыбы-пираньи. Небольшая рыбка, величиной чуть больше ладони, совсем напоминала бы обыкновенную вяленую тарань, если бы не громадные челюсти, вооруженные страшными зубами. Кто из нас не читал об этих кровожадных существах, грозе бразильских рек?

И вот, наконец, Корумба. Граница с Боливией здесь чисто символическая, но уладить формальности на бразильской стороне в первый день не удалось. Пришлось переночевать в одной полуиндейской семье на той, боливийской, стороне, чтобы утром «погасить» бразильскую визу. А на следующий день сели в вагон поезда, идущего в Санта-Крус. Честно говоря, мы не так представляли себе путешествие в поезде (а ехать до Санта-Круса больше суток). Маленькие узкие вагончики с простыми деревянными двухместными скамейками — совсем как в старых московских трамваях. Поезд мчится не по насыпи, а по узкому полотну, проложенному на дне довольно глубокой канавы. Высовываться из окна небезопасно — ветки деревьев и кустарников хлещут по вагонам. Поезд немилосердно швыряет в разные стороны. Вдобавок, он ещё и кренится то на один, то на другой борт, да ещё под таким углом, что невольно хватаешься за сидение…

2. Боливия — Перу. Страна грифов

И вот — наконец-то! — город Санта-Крус, конечная остановка поезда. Вагон переполняется индейцами, которые трутся вокруг пассажиров, предлагая свою помощь в выгрузке багажа. Трое невысоких коренастых мужчин настойчиво предлагают мне помочь снять с верхних полок наши рюкзаки. Вежливо отказываюсь от их любезного предложения и снимаю багаж сам. При этом незваные помощники суетятся вокруг, поддерживая сумки, помогая вынести их из вагона… Причина их рвения и любезности, граничащей с навязчивостью, нашла свое объяснение через четверть часа, когда мы садились в такси. Из левого кармана джинсов пропала толстая пачка денег — 86 боливиано, обмененных на границе перед посадкой в поезд. Серьезный ущерб нашему бюджету, если учесть, что двадцать долларов — большие деньги в Боливии. При одной мысли, что воры могли забраться в правый карман, где, свёрнутые в тонкую трубочку, покоились доллары, просило в пот — ведь это вся наша наличность!

Таксист, отвечая на наш вопрос, есть ли в Санта-Крусе русские, ответил, что в самом городе нет, но в двух-трёх десятках километров от него есть небольшие городки Санта-Марта и Монтейро, где, по слухам, есть русские колонии. Это известие заставило нас изменить свои планы. Мы попросили доставить нас на терминал — городской автовокзал, откуда уже через два часа пылили по разбитому просёлку в Санта-Марту. Городок оказался крошечным, с обязательной квадратной площадью, на которую, по обычаю, выходят фасады Кафедрального собора (здесь, в Санта-Марте, его Функции выполняет небольшая, но весьма старинная церковь, знававшая, судя по всему, лучшие времена), мэрии («алкальдии»), школы и ещё какого-то старинного здания с облупленным дворянским гербом на фасаде. В городке полным ходом шло веселье — карнавал, посвящённый уж не знаю чему. Мне кажется, вся население Санта-Марты приняло в нём участие. Нарядно одетые индейцы (большинство жителей), важные дамы и кабальеро — потомки испанских конкистадоров, прелестные иные сеньориты и множество детей. На площадь притащили быка с надписью, сделанной на боку зелёной краской. Ошарашенный гвалтом, музыкой, хохотом, бык стоял как вкопанный и наотрез отказывался принять участие в празднике, не реагируя даже на красные тряпки, которыми дразнили его мальчишки. Наконец, когда их бестактность перешла дозволенные границы (один из ребят что есть силы дёрнул его за хвост) бык всхрапнул и нагнув голову кинулся на обидчика, который мигом растворился в толпе,

тогда как бычьим хвостом завладел другой смельчак, заставив рассвирепевшее животное резко повернуться на 180˚, едва не сбив с ног одного из многочисленных наблюдателей. Мы в этой забаве участия не принимали и даже отказались от приглашения к столу, накрытому прямо во дворе школы. Дело в том, что мы узнали — в районе Санта-Марты русской колонии нет. Вернее, колония есть, но не русская, а немецкая или канадская, тогда как русская находится близ Монтейро, километрах в 25 отсюда. Один из гостей праздника согласился подвезти нас в Монтейро на своём полуразвалившемся «тендере», так как сам ехал в этот город. Видя, в каком «праздничном» состоянии находится этот добрый человек, мы забирались в кузов машины с некоторой опаской. Тем не менее, до Монтейро добрались без приключений. Как оказалось, в Боливии есть три русских общины, в которых живут потомки старообрядцев, покинувших Сибирь в начале тридцатых годов, спасаясь от насильственной коллективизации сначала в Китае, затем в Аргентине, Бразилии и осевших в Боливии. Несмотря на прекрасное владение испанским, они сохранили русский язык. Правда, в несколько необычной для нас форме. Старый русский язык непривычен для нашего уха. А наш, новый — для них. Интересный факт: в русской колонии близ Монтейро хранится специальная грамота Президента Боливии, в которой он благодарит русских колонистов «за огромный вклад в развитие сельского хозяйства страны». Как тут не вспомнить телепередачу из Аргентины, которую смотрели в Рио-де-Жанейро. Там тоже Президент Аргентины благодарил русских и украинцев «за вклад, внесенный в экономику». Кстати, в Боливии, во всех трёх русских колониях проживает всего около 50 семей, а в 1992 году они произвели зерновых и бобовых больше, чем все крестьяне Боливии вместе взятые. Правда, нужно учесть, что большинство тружеников сельского хозяйства этой страны занято более прибыльным делом — выращивают коку, из листьев которой вырабатывается кокаин. Именно здесь «пасутся» эмиссары наркомафии. А местные индейцы носят на себе печать потребления коки, которую из поколения в поколение жуют здесь чуть ли не все, от мала до велика. Где бы и чем бы мы ни занимались — разговаривали ли с кем, покупали ли билеты в кассе автовокзала, фотографировали ли что-нибудь — всегда вокруг собиралась толпа из нескольких индейцев, которые приоткрыв рот, безучастно наблюдали за нашими действиями стеклянными глазами.

Из равнинной части Боливии наш путь лежал в Ла-Пас. С сожалением попрощались с нашим новым знакомым — 82-летним Логином Анисимовичем Реутовым, удивительным рассказчиком,

как две капли волн похожим на Льва Николаевича Толстого в последние годы жизни, и не только огромной седой бородой и кустистыми бровями, но и повседневной одеждой — косовороткой распояской, полосатыми штанами и отсутствием обуви. Мы вначале даже подумали, что он просто подражает великому писателю, но в разговоре выяснилось, что кроме православной религиозной литературы, наш собеседник ничего не читал, а о Льве Николаевиче даже не слышал…

Неожиданно мы столкнулись с целым рядом трудностей и проблем, связанных с неучтённым нами стихийным бедствием — карнавалом, бушевавшим на территории всей страны. Междугородние автобусы либо не ходили совсем, либо делали громадные «крюки», на десятки километров удаляясь от маршрута. Благодаря этому мы побывали в таких горных районах, где наверняка не ступала нога русского человека. Это произошло потому, что застряв в Кочабамбе, откуда автобусы на столицу должны были начать движение не раньше, чем через два дня, мы приняли решение добираться в Ла-Пас «на перекладных», кружным путём. Повидали высокогорные индейские селения, где люди живут так, как жили их предки сто, двести, а может быть и пятьсот лет назад. Крошечные хижины, прилепившиеся к скалам, сложенные из глины и камней, без окон, всего лишь с низким дверным проемом для вентиляции и света, отсутствие электричества и других признаков цивилизации, странные одежды, ламы, пасущиеся на горных склонах… Кстати, лам мы видели впервые так близко. Очень милые, симпатичные животные, они подходили очень близко, но пугливо шарахались в сторону от малейшего резкого движения. Здесь, в горах Боливии, на огромной высоте (4000 метров!) живут индейцы аймара́. Они до сих пор носят традиционные одежды, возможно спасающие их от холода, но отнюдь не украшающие, особенно женщин. Так мы в конце концов оказались в большом (по боливийским понятиям) городе Ору́ро, где были буквально оглушены страшным грохотом взрывающихся петард и трёх или более оркестров, играющих (если это так можно назвать) на крошечной площади у терминала каждый что-то своё, но — ОДНОВРЕМЕННО! И тут же попали под холодный душ, который возможно доставил бы некоторое удовольствие в жарком Рио, но бывший совсем некстати здесь, на студёном плоскогорье Альтиплано… Обливаться водой на карнавале — традиция не только не наказуемая, но даже поощряемая. Во всяком случае, кругом продаются пузыри различной ёмкости с водой, которые швыряют не только в прохожих (как у нас на Севере снежками), но и в окна проезжающих машин и автобусов. С огромным трудом,

насморком и температурой удалось вырваться из этого кошмара и на попутном дырявом, с подвязанным веревочками кузовом, микроавтобусе уехать в Ла-Пас. Открывшаяся нашему взору фантастическая картина с лихвой вознаградила за перенесённые неудобства. Вечерняя земля уже наливается лиловыми сумерками, а в ярко-синем небе ослепительной белизной сверкают исполинские пики сходящихся здесь горных цепей Кордильер и Анд. Дух захватывает от восторга! Добравшись до столицы Боливии, Ла-Паса поздним вечером, остановились на ночь в первом же попавшемся отельчике в индейском районе города, мы продрожали под тонкими одеялами до утра. Утром перебрались ближе к Центру, где несколько дней знакомились со старым испанским городом, застроенным домами, сохранившимися ещё с колониальных времен. К сожалению, моя сердечно-сосудистая система оказалась совершенно неприспособленной к жизни в условиях высокогорья (всё-таки почти 4 тыс. метров над уровнем моря!). Возможно, сказались четыре «экскурсии» в реанимационную палату на далёкой Родине… Во всяком случае, мы вынуждены были срочно покинуть Ла-Пас и двинуться в Перу. Недостаток кислорода оказался столь губителен для меня, что сфигмоманометр показал чудовищное для бывшего спортсмена артериальное давление и дальнейшее моё существование оказалось возможным лишь благодаря применению сильнодействующих медицинских средств. К бренной жизни я вернулся с некоторым сожалением, так как упустил возможность стать ПЕРВЫМ. Первым тренером по боксу, первым геленджичанином и, наконец, первым (кхе-кхе!..) гражданином Новой России, похороненным близ высокогорного озера Титикака! Озеро это — самое высокогорное озеро мира и находится невдалеке от столицы Боливии. Это действительно чудо природы, в чём мы убедились после двух часов езды на автобусе. Водное зеркало, громадное по размерам, состоит из нескольких более мелких, соединённых между собой проливами, водоемов. Вода кристально чистая, видны мельчайшие камешки на огромной глубине. На склонах гор, обступивших озеро, растительности немного. В основном, это кактусы и завезённые, по-видимому, из Австралии, эвкалипты, хорошо прижившиеся в этих, весьма суровых, климатических условиях. По гладкой, словно отполированной поверхности воды бесшумно скользят диковинные лодки, связанные из стеблей тростника. На берегах много индейских селений, при въезде в каждое наш автобус попадал под град пузырей с водой, запускаемых с разной силой с различных дистанций. Пришлось задраить все окна, лишив себя редкой возможности сфотографировать красочное зрелище

индейских обрядов. В одном посёлке, во время кратковременной остановки, у автобуса собралась толпа празднично одетых индейцев и, сбившись в кучу, они запели какую-то свою песню на заунывный мотив. Возможно, что-нибудь вроде «Рэвэ, тай стогна Титикака…», а потом стали требовать деньги — законную плату за прослушанный шедевр. К вечеру пересекли границу Перу и прибыли в город Пуно, почти столь же высокогорный, что и Ла-Пас. Город встретил нас дождём, который с редкими и короткими перерывами сопровождал нас на протяжении всего нашего путешествия по горному Перу. Здесь, как и в Ла-Пасе, нас дважды накрывал могучий ливень с крупным градом. Града было так много, что его наваливало целые сугробы, которые через некоторое время исчезали, смываемые потоками воды. Остановились в отеле, где, как и на предыдущих остановках, вызвали большой интерес — здесь никогда не видели русских. В гостинице быстро обзавелись приятелями — канадцами и американцами. В основном, за счёт стасиного английского, на котором он за последние два года навострился так бойко болтать, что некоторые принимают его за американца, и очень удивляются, узнав, что Стась никогда в Штатах не был. В его возрасте, судя по всему, языки даются легко. В Бразилии он довольно быстро освоил португальский на уровне, вполне достаточном для общения.

Американцы настойчиво советовали купить в Пуно свитера из шерсти ламы-альпаки. Действительно, превосходные пушистые и теплые свитера стоят здесь менее 5 долларов! Европейские и североамериканские туристы покупают их здесь чуть ли не десятками. Ещё бы, такой свитер, по их словам, стоит у них от 170 до 200 долларов? Мы, конечно, купили. И сразу перестали страдать от холода.

Из Пуно до Арекипы автобус шёл по пустынной горной стране. Ни кустика, ни деревца! Взгляду не за что зацепиться. Лишь редкие кактусы угрюмо сутулятся на щебнистых склонах, да внизу, в глубоких расселинах, зеленеют изредка крошечные оазисы. Выше шоссе, во впадинах между округлыми вершинами, светлыми пятнами выделяются снежные сугробы. В небесной синеве парят большие черные птицы. От Арекипы, очень симпатичного старого города, шоссе начинает спускаться. Стало легче дышать. На одном из перевалов взгляду открывается потрясающее зрелище — Тихий Океан! Итак, мы пересекли весь Южноамериканский континент в самом широком его месте с Востока на Запад, от Атлантического до Великого Тихого Океана! Ещё одна моя мечта сбылась…

Дорога до столицы Перу, города Лимы, идёт вдоль моря.

Узкая асфальтовая лента зажата справа каменной стеною, слева, далеко внизу, вздымаются зеленовато-серые валы самого большого океана планеты, горизонт затянут туманной дымкой, дует сильный ветер. Автобус мчится по узкому шоссе, закладывая такие виражи над водяной пропастью, что дух захватывает, а пальцы стискивают подлокотники с такой силой, что больно суставам. И поневоле отводишь взгляд от виднеющихся далеко внизу автомобильных останков. На короткой остановке в маленькой рыбацкой деревушке обедаем в придорожной таверне. Такой вкусной рыбы мне никогда не приходилось пробовать!

В Лиму приезжаем под утро. Вообще, проводить ночи в движении стало привычным. Тем более, если едешь автобусом. Они здесь весьма комфортабельные, оснащены кондиционерами, телевизорами и даже туалетами. Ищем гостиницу подешевле, но чтобы в центре… Так мы оказываемся в совершенно удивительном месте, рядом с уникальным памятником колониальных времён — собором францисканцев. Дом, в котором мы сняли комнату, построен в начале XVII века! Он куплен художником, приехавшим сюда из Испании. Новый хозяин реставрирует здание и, чтобы хотя бы частично покрыть расходы на реставрацию, сдаёт несколько отремонтированных комнат. Чувства, которые мы испытываем, расхаживая по скрипучим половицам, рассматривая потрескавшиеся, почерневшие портреты бывших хозяев, а ночью слушая шорохи и странные звуки, которые могут издавать только привидения, ни с чем не сравнимы. Ведь совсем разные вещи — ходить по музею или дому, в котором ты хоть и временный, но всё же как бы хозяин..

Дни проводим в прогулках по старому городу, обедая прямо на улице. В основном, обходимся очень дешёвым и вкусным блюдом — своего рода ассорти из отварных и сырых «даров моря»: щупальцев осьминогов, ракушек, кусочков рыбы, креветок, посыпанных луком и сбрызнутых лимонным соком. В трущобы стараемся не заходить — криминогенная обстановка в Лиме сложная. В центре на всех перекрестках танки и бронетранспортёры — идёт война с мафией и террористами. Особенно тщательно охраняется посольство США. На улицах много вооружённых автоматами солдат и полицейских. Все они — в бронежилетах. Многие в касках. Несмотря на осторожность, мы всё-таки подверглись нападению троих парней, попытавшихся вырвать у меня «дипломат», а из кармана — деньги. К счастью, кое-какая силёнка и быстрота реакции, свойственные людям моей профессии, ещё не совсем покинули меня и атака была отбита. Материального ущерба мы не понесли, физического — тоже. Во всяком случае — мы. Испытывать Судьбу больше не стали и в

опасные районы больше не заходили.

Центр Лимы очень красив. Здесь, как и в Питере, старинные здания сохраняются в первозданном виде. Каждое здание без натяжек можно назвать шедевром архитектуры. И не случайно в своё время Лима была столицей вице-королевства Перу и была буквально забита драгоценностями, «экспроприированными» у покорённых индейцев. Знать селилась вокруг дворца вице-короля и стремилась перещеголять друг друга пышностью построек. Ещё нигде нам не приходилось видеть таких прекрасных церквей и соборов, да ещё в таком количестве. В уже упомянутом соборе францисканцев экскурсовод показывает мрачные катакомбы, прорытые глубоко под землёй, с их захоронениями знатных прихожан, темницами и камерами пыток, где святые отцы мучили несчастных индейцев, стремясь удовлетворить своё любопытство в отношении тайников со спрятанными сокровищами инков.

Из Лимы наш путь лежал на север страны, к границе с Эквадором, где мы просто не могли миновать древний Ту́мбес, город, известный ещё со времён колонизации Америки. Именно этот город оказал поддержку конкистадору Писарро в его борьбе с могущественной империей инков, в дальнейшем разделив судьбу побежденных. В нашей памяти Тумбес остался как страшно людное и шумное место, где улицы превращены в рынок, на котором можно всё, что угодно купить и продать. А можно и вовсе остаться раздетым…

После довольно продолжительной дискуссии в пограничном поли — поиском участке, где из нас попытались выжать традиционную взятку, придравшись к нашим паспортам, пересекли границу Эквадора и взяли курс на Кито, столицу страны.

3. Эквадóр — значит ЭКВÁТОР

Пейзаж за окном автобуса разительно отличается от унылого, пыльного ландшафта Перу. Кругом — буйство тропической зелени, цветов. Сделав несколько остановок в нескольких городках, в 6 утра прибыли в Кито. Высокогорный Кито (2 тыс. 700 м над уровнем моря) встретил нас дождём. Взяв такси, поехали искать дешёвую гостиницу, указанную в имеющемся у нас справочнике. К сожалению, мест в ней не оказалось. Пристроились в дешёвой, но очень чистой и по-домашнему уютной «резиденсии» (пансионе), хозяйка которой, очень милая женщина-чилийка приняла нас очень приветливо. Оплатив проживание на две недели вперёд, мы отправились знакомиться с городом. Конечно, первым объектом нашего внимания стал рынок, расположенный в старой, «колониальной» части города. Мы так поступали во всех населённых пунктах, где собирались задержаться на какое-то время. Это позволяло ознакомиться с ценами, особенно на продукты питания, так как походная наша жизнь протекала в режиме жёсткой экономии ввиду крайней ограниченности в средствах. И тут случилась катастрофа — при выходе с рынка обнаружилось, что у меня из кармана пропали все деньги, заработанные в Бразилии… Не буду описывать трудности, с которыми пришлось столкнуться, оказавшись в чужой стране без средств к существованию, без языка… И поголодать пришлось, не без этого. Естественно, помощи в Российском посольстве мы не получили — нас оттуда просто выставили. Правда, глаза у консула были добрые-добрые…

Интересно, когда здесь же, в Кито, обокрали норвежцев, те не отчаивались и через два дня вылетели домой по билетам, купленным посольством Норвегии. Нам же не разрешили даже пользоваться библиотекой посольства. В то же время нам без всякой просьбы или жалобы с нашей стороны помогла хозяйка «резиденсии», донья Селеста, прослышавшая о нашем несчастье. Очень тактично помогали нам Родриго, эквадорец, учившийся в СССР, и чилийский журналист-эмигрант Оскар, проживающие в «резиденсии». Узнав от Стасика, что я хорошо готовлю блюда национальной русской и украинской кухни, в частности борщ и пельмени, они попросили меня готовить на всех четверых, взяв на себя покупку необходимых продуктов. Оскар познакомил нас со славной женщиной-украинкой, Людмилой, содержащей с мужем-поляком небольшой бар с бильярдом. В Эквадоре она уже 14 лет. У неё трое детей, бар маленький и не думаю, что он даёт большую прибыль. Но, похоже, смысл жизни Люда видит в

помощи попавшим в трудное положение соотечественникам. Эмигранты и беженцы из бывшего Союза в первую очередь идут к ней за помощью и советом, а не в родное посольство и консульство. Мы со Стасем будем помнить эту милую женщину всю жизнь… И не только мы.

С новыми нашими друзьями побывали на линии экватора, находящейся в 12 км от Кито. Незабываемое чувство: стоять одной ногой в Северном, а другой — в Южном полушариях. Ощущение разъезжающихся ног. Само памятное место представляет собою мощёную плиткой площадь, окружённую киосками с сувенирами и небольшими ресторанчиками. Посередине — башня с изображением земного шара на вершине. Внутри башни небольшой, но интересный этнографический музей. Площадь разделена на две части линией, выложенной более светлой плиткой. Это и есть тот самый «нулевой» градус, экватор.

Как и во всех латиноамериканских городах, в Кито есть район, носящий название «Старый город». Дома 18–19 веков. Встречаются и более ранние постройки. Очень много католических храмов — народ здесь, как, впрочем, и во всей Латинской Америке, очень набожный. Много индейцев. Но здесь они другие. Костюмы на них тоже резко отличаются от одежд жителей Боливии и горного Перу. Индианки в Кито мало чем напоминают грязных, уродливо одетых индианок Боливии. Наряд их, хоть и непривычен для нас, но не лишен изящества. У мужчин из-под шляпы видна обязательная косичка. Эквадорские индейцы гордо именуют себя «кечуа», подчеркивая своё презрительное отношение к аймара́, которые тоже встречаются здесь. Надо сказать, что не только одеждой, но и внешним видом кечуа сильно отличаются от аймара. А гордиться им есть чем — гордые инки, создавшие одну из самых блестящих цивилизаций Нового Света, принадлежали именно к группе кечуа. В лесах Эквадора до сих пор живут «дикие» индейцы — охотники за головами. Кстати, эти страшные сувениры можно купить в Кито как в магазине (пластиковую подделку), так и у индейцев, продающих их из-под полы. Непонятным образом препарированные и высушенные человеческие головы, величиною с кулак, с длинными волосами, вызывают у меня чувство ужаса и омерзения. Богатая коллекция этих жутких «игрушек» имеется в местном этнографическом музее.

В Эквадоре много золота. Моют его в горных речках все желающие. Говорят, где-то у южней границы работает группа русских из «Амурзолото». Был момент, когда мы чуть было не приняли приглашение одной из формирующихся артелей. Но

вовремя передумали. Во-первых, дело это нам незнакомо, как и возможные наши коллеги. Во-вторых, известны случаи убийства удачливых старателей с целью ограбления. А в-третьих… воображение представило мне мою голову, величиной с кулак… Бр-р-р!

В Кито — межсезонье. Каждый день дожди. Если с утра идёт дождь — где-то с обеда прояснеет. Но если утро солнечное — без плаща не выходи. Причем, часты страшные тропические ливни с градом. Град крупный, больше горошины и больно бьёт по голове. Мгновенно заваливает город, дождевые потоки собирают градины в кучи, которые запруживают улицы, вода покрывает тротуары и делает их абсолютно непроходимыми. В солнечные дни Кито, расположенный в глубокой долине между гор, очень красив. С некоторых точек в такие дни видны белые купола вулканов Пичинча и Чимборасо. А воздух так чист и прозрачен!

Эквадор — очень дешёвая страна. Фруктов много и они дешевле, чем где-либо в других странах, где мы бывали. Например, очень крупный ананас стоит здесь где-то от 30 до 40 центов (США). Столько же — большая гроздь бананов. Мы любим ходить по рынку (благо, теперь не нужно бояться кражи денег). Чего тут только нет! О некоторых фруктах мы даже не слыхали. Вот буровато-зелёный, довольно большой плод. Название — «сопóта». Внутри четыре крупные косточки, окружённые ярко-оранжевой, волокнистой, сочной и очень сладкой мякотью. Или огромный, до 40 см длиною толстый стручок, покрытый зеленой бархатистой кожицей. Похоже на увеличенный во много раз стручок акации. Под кожицей — белая сахаристая и очень вкусная мякоть, окружающая косточки, похожие на бобы. А вот ещё связки зеленых шариков, величиною с мелкую сливу (алычу). Кожура легко снимается и в рот попадает белая ягода приятного освежающего кисло-сладкого вкуса. Косточку выплёвываешь и рука сама тянется за следующей. Много разноцветных плодов кактуса, жёлтые, зеленые, оранжевые, бордовые, ярко-красные… Очень сладкие, но мне они не нравятся из-за большого количества мелких-мелких семян. На каждом углу продаются арбузы, дыни, папайя (плоды дынного дерева), плоды тамаринда, ещё какие-то огромные, пупырчатые… А вот и знакомые яблоки, груши, виноград… Словом, глаза разбегаются. Овощи — любые. Связками по 12 штук продаются крабы. Такая связка стоит около двух долларов. Разнокалиберные креветки от маленьких, розовых до огромных, величиною с крупного рака, заполняют ящики со льдом. Лангусты, морские ежи, осьминоги, кальмары, ракушки…

В Кито повезло: нам удалось получить мексиканскую визу, за которой гонялись ещё в Китае и Бразилии. Там нам отказались её

проставить в наш «серпасто-молоткастый», а здесь, видимо по недосмотру — проставили! Читатель, следящий за нашими передвижениями по карте, очевидно заметит, что в этом как бы хаотическом, «броуновском» движении, проглядывает некая система, выражающаяся в упорном стремлении на Север… Следовательно, следующей страной на нашем маршруте должна стать… вот именно, Колумбия. Благо, визы туда не требуется — её ставят прямо на границе.

4. Прекрасная Колумбия

Первый колумбийский город носит название Ипиа́лис и находится всего в нескольких километрах от границы. Колумбия — большая страна, богатая криминальными традициями. Признанными центрами, национального терроризма по праву считаются как раз Ипиа́лис, Кали́, Богота́, а также Барранкилья. Про Медельи́н уж не говорю… Четыре из этих пяти городов нам предстояло посетить. Все, кроме Медельина, который мы решили обойти. В Кали мы не задержались, хотя на первый взгляд он нам понравился. Достаточно чистый и хорошо застроенный. Судя по всему, большинство горожан служит в армии или полиции. Так, во всяком случае, нам показалось — от обилия формы различных фасонов и расцветок просто рябит в глазах. Любой человек одетый, в штатское, очевидно должен вызывать повышенный интерес своей неординарностью. От греха подальше сели в автобус, идущий в Боготу, столицу Колумбии. По пути вспоминали, что знаем об этом городе. Помнится, где-то здесь испанцы узнали про гору, в рыхлой породе которой индейцы чибча (или муи́ски) добывали изумруды. Оказывается, такая гора в окрестностях Боготы действительно имеется и за некоторую плату попытать счастья может каждый. Пилоты русских вертолётов, с которыми мы познакомились в Кито, пробовали поискать зеленые камушки и даже нашли небольшой осколок кристалла. Ещё мы знаем, что Богота расположена на той же высоте (2 тыс. 700 м.), что и Кито. И видимо для ещё большего сходства встретила нас потоками воды, низвергающейся прямо с низкого серого неба. Отель, в котором мы остановились, поначалу нам понравился. Но через три дня хозяйка, как бы в подтверждение того, что нам рассказывали о национальном характере колумбийцев, попыталась содрать с нас сумму, вдвое превышающую договорённую. Обидевшись на неё и на Боготу, с её непрекращающимся дождём, мы сели в автобус и покатили на Север, к морю. Ехали почти двое суток по прекрасной зелёной стране с пурпурными от заходящего и нежно-розовыми от восходящего солнца горами, голубыми озёрами, широкими реками, неисчислимыми стадами пасущихся зебу, яркими попугаями на деревьях. Алые, жёлтые, фиолетовые, розовые, белые цветы, огромные листья бананов, тенистые манговые деревья, стройные пальмы… Живи и радуйся! И вот — Картахе́на, чудо-город, город-сказка. Вошёл он в список городов, где мне хотелось бы побывать, после ряда прочитанные книг и передачи «Вокруг света» (спасибо Ю. Сенкевичу!). Поселились в

«резиденсии» (так называются в Латинской Америке дешёвые «семейные» отели), в самом центре «Старого города». Ах, что это за город! Если бы я был режиссёром, я обязательно снял бы фильм по книгам одного из любимейших моих писателей, А. Грина. А город Зурбаган снимал бы в Картахене. Старый город полностью сохранил средневековый облик. Всё так же цокают по мощенным стёршимся булыжником узким улочкам конные экипажи с зажжёнными вечером свечами в старинных фонарях… Полуголые черные мальчишки что-то везут в больших корзинах, навьюченных на мулов. Белозубые негритянки в неописуемо ярких одеяниях громко зазывают прохожих в закопчённые таверны, где вам подадут «песка́до» (рыбу) или «по́йо» (цыплёнка), приготовленных по старинным рецептам. Улочки старой Картахены похожи на туннели из-за нависших над мостовой деревянных резных балконов-галерей (испанский стиль). Древние камни соборов увиты тропической растительностью. Даже на крышах проросли кусты и целые деревья. Но особенно чувство ностальгии по давно ушедшим временам возникает во время прогулок у мощных стен крепостных бастионов, угрюмо глядящих в морскую даль чёрными жерлами заржавленных пушек. И для полноты картины, на редкой зыби картахенского залива, покачивается большое парусное судно с надписью на корме «Буканьер» («Пират»). Корабль построен по старинным чертежам и при взгляде на него вспоминается, что в 1586 году Картахену взяли приступом и разрушили пираты, под командой знаменитого корсара Фрэнсиса Дрейка. Впрочем, это было не единственное нападение на богатый город, бывший в те далёкие времена одним из крупнейших центров испанского владычества в Новом Свете. Любой уважающий себя пират считал делом чести иметь в своей коллекции сувенир из Картахены.

А по вечерам, как золотые россыпи Эльдорадо, страны несбывшихся снов железных рыцарей Конкисты, дрожа и мерцая, зажигается мириадами драгоценных песчинок звёздное небо Кариб…

Деньги на исходе, пользуемся любой возможностью подработать. Стасик устроился в яхт-клубе, помогает одному американскому яхтсмену в ремонте яхты. По вечерам ходит ловить рыбу. У сына просто талант рыболова. Даже местные мальчишки удивляются его везению. Попадаются, в основном, рыбы, похожие на сома, с висячими усами и тремя длинными и острыми, твёрдыми как кость, шипами на спине и по бокам. Уколы этих шипов очень болезненны, в чём я убедился, помогая Стасу снимать очередную рыбину с крючка. Один раз ему

особенно повезло — вытащил чуть ли не полуметрового «сома». Даже местные рыбаки сгрудились вокруг нас, разглядывая чудовище. Так что голодать не приходилось — улова хватало и нам, и всему довольно многочисленному хозяйскому семейству. За это нам позволялось пользоваться кухней, что помогало экономить на питании. Я ежедневно посещал зал бокса, где, несмотря на трудности с испанским языком сумел произвести хорошее впечатление. Провал несколько занятий, что дало возможность несколько пополнить бюджет. Тут мы узнали, что в городе Барранкилья (100 км от Картахены) проводится Международный турнир по боксу с участием команд нескольких стран Латинской Америки. Решили ехать туда, в надежде переговорить с представителями команд в отношении работы.

Барранкилья оказалась огромным (более миллиона жителей) городом, шумным, грязным и невероятно бестолковым. Лишь центр, где и проводились соревнования, оставил более-менее приятное впечатление. Мы тут же разыскали отель, в котором остановились команды Мексики, Доминиканской Республики, Венесуэлы и Кубы. И тут нам повезло. С командой Мексики приехал работающий там болгарский тренер Николай Александров-Желев, который, как оказалось, хорошо помнит моего ученика Михаила Бочкарёва, выигравшего в 1983 году турнир юниорских команд социалистических стран в Софии. Мир тесен! Николай, хорошо зная испанский язык, представит меня руководителям команд и Президенту Федерации бокса Колумбии. Мы договорились с руководством колумбийского бокса о встрече после окончания соревнований. Меня очень заинтересовало предложение руководителя команды Венесуэлы, который пообещал мне работу в случае нашего приезда в эту страну. К сожалению, в консульстве Венесуэлы в Барранкилье нам согласились проставить лишь трёхдневную, транзитную визу, заломив за неё совершенно несусветную цену. Колумбийцы же, взявшиеся вроде бы за решение вопроса с видимым энтузиазмом, продолжили всё тем же, набившим уже оскомину вечным латиноамериканским словом «маньяна» («завтра»). Прождав безрезультатно когда же «маньяна» превратится в «ой» (сегодня), мы через неделю вернулись в Картахену, надеясь на стасиных приятелей яхтсменов-американцев, обещавших подбросить нас до Панамы в случае, если мы сумеем полу — чить визу в эту страну. Такую визу нам удалось проставить в консульстве Панамы в Барранкилье. Тоже везение — ведь и в Кито, и в Картахене нам было в визе отказано. К сожалению, яхта уже ушла и в ближайшее время ничего не предвидится… Решили добираться «автостопом» до города Ту́рбо, расположенного на берегу Дарьенского залива.

Не буду подробно описывать наше путешествие, занявшее более трёх суток, через территорию, поочередно контролируемую то правительственными войсками, то «герильерос» (повстанцами). Достаточно сказать, что наш автобус трижды останавливали вооружённые люди. Первый раз — точно солдаты, а вот два других… Выводили всех пассажиров, женщин и детей в одну сторону, мужчин — в другую и тщательно проверив документы, обыскивали. В это время другая группа столь же тщательно обыскивала в автобусе личные вещи. Во время первой остановки офицер, командующий патрулём, настоятельно советовал Стасику снять камуфляжную майку (мой подарок), предупредив, что герильерос могут издалека принять за солдата и застрелить. Стас страшно загордился, но майку снял. При последнем обыске, когда нас вывели из автобуса, из моего рюкзака изъяли нож, купленный ещё в Рио-де-Жанейро. Нож действительно устрашающего вида, так называемый, «нож выживания» с различными предметами в полой рукоятке. Инструмент, действительно нужный в походе. Поэтому я вступил в пререкания с грабителями и в конце концов просто вытащил нож у одного из них из-за голенища сапога. Не знаю уж, почему они оставили мой демарш без последствий. Наверное, просто обалдели от моей наглости. Может быть, сыграли (впервые!) положительную роль наши советские паспорта (у каждого герильеро на шее или в руках был автомат Калашникова). Может, ещё что… Во всяком случае, уверен, никому из пассажиров даже в голову не пришло бы требовать обратно какую бы то ни было отобранную вещь, тем более — нож. Все четверо бойцов сгрудились возле водителя, коротко о чём-то переговорили, бросая на нас заинтересованные взгляды, а затем… вышли из автобуса! Надо сказать, что если бы меня в этот момент кто-нибудь попросил хотя бы встать, я вряд ли смог выполнить эту просьбу или приказ, так как почувствовал, что у меня от собственного нахальства буквально отнялись ноги. Однако вида не показал, тем более, что после того, как герильерос покинули автобус, взгляды всех пассажиров скрестились на мне. Уж что они там обо мне подумали — скорее всего что-нибудь не совсем лестное, но с чувством глубокого удовлетворения могу констатировать — лужи подо мною не было. «Ну, папа, та даёшь!..» — только и смог выговорить Стас.

Турбо оказался небольшим, до краёв залитым жидкой грязью, городком — пристанищем бродячих псов и контрабандистов. Денег у нас осталось так мало, что о том, чтобы перебраться в Панаму обычным путём — самолётом или рейсовым пароходом — не могло быть и речи. Пригорюнившись, мы присели на какую-то бетонную платформу, на несколько сантиметров выступающую

из грязи и, в компании вполне дружелюбно настроенных собак, стали думу думать. Вечерело. В голову ничего умного не приходило. Поэтому и поступил я совсем по-идиотски: увидев у причала готовящуюся к отправлению (несмотря на надвигающуюся ночь) большую алюминиевую лодку с двумя мощными «Меркуриями»' на корме, я подошёл и спросил мужчину, переносившего в лодку пластиковые мешки, куда они держат путь. Переглянувшись с товарищем, принимавшим груз, мужчина ответил вопросом на вопрос: «А тебе куда надо?», на что я ответил просто и коротко: «В Панаму». К моему удивлению, моя просьба не вызвала удивления, а только конкретный вопрос: «Сколько заплатишь?» Увы! — я не был готов к столь же конкретному ответу. Смог только невнятно пролепетать «Десять долларов…» И самому стало невыносимо стыдно. Но тут ситуацию спас вступивший в разговор, Стасик: «Но мы можем дать вам радиопеленгатор!» Как ни странно, это его предложение вызвало интерес. Помню, когда Стае принёс из картахенского яхт-клуба эту довольно громоздкую вещь — подарок американца, которому он помогал в ремонте яхты, я посоветовал ему выбросить этот лишний груз, который ничего, кроме лишних хлопот в дороге не принесёт, и был уверен, что сын послушался моего совета. «Ну и как им пользоваться?» — спросил старший, вертя в руках прибор, которому, честно говоря, я и сам не знал применения. «У вас есть аккумулятор?» — спросил Стас. Оказалось — есть. Мигом подключив радиопеленгатор (и откуда он только всё знает?) сынок стал объяснять принцип действия прибора. И нам было предложено место в лодке!

Что это была за дорога! Лодка летела, лишь изредка (и весьма болезненно для нас) касаясь волн металлическим днищем. По левому борту в сумерках, а потом и в полной темноте, лишь угадывался берег, на котором пару раз прогадывали огоньки крошечных селений. Мы знали, что в этой части Колумбии нет дороги до самой границы с Панамóй, где дороги тоже нет — только непроходимые джунгли («сéльва»), в которых никто, кроме диких и полудиких индейцев, не живёт. Ночью причалили к маленькой пристани приграничного колумбийского городка, название которого не запомнилось. Десятка полтора-два хижин, над одной из которых гордо реял государственный флаг Республики Панама, а прямо на плетённой из камыша стене красовалась солидная вывеска, украшенная гербом и надписью: «Консульство Республики Панама». Такая же хижина — казарма пограничного поста, с десяток вытащенных на коралловый песок лодок и индейских пирог, кокосовые пальмы, а вокруг — бескрайняя сельва… Переночевали на берегу (благо, есть один

спальный мешок), а утром стали искать возможность пересечь границу, до которой всего 35 километров (но через сельву!). Узнали, что дороги через джунгли нет — только тропинка, по которой до начала сезона дождей с той стороны прошла группа американцев с индейским проводником. Остается только один путь — морем. Однако владельцы лодок требуют 30 долларов! Но — мир не без добрых людей! — молодой парень, зачем-то ехавший на панамскую сторону, согласился подвезти нас на панамский пограничный пункт.

5. Панама́ — это не шляпа, Панама́ — это страна!

Итак, через час пути вдоль живописного берега, наша лодка входит в крошечную уютную бухточку, окруженную со всех сторон джунглями. На берегу маленький городок из трёх-четырёх десятков крытых пальмовыми листьями хижин, на высоком флагштоке — панамский Флаг в красно-сине-белую шахматную клетку. Флагшток находится прямо посередине двора пограничного поста. Таможенный досмотр (или по-нашему, по-советски, «шмон») проходим на причале. Представитель таможенных властей заставляет демонстрировать содержимое рюкзаков. Я напряженно ожидаю опасного для нас требования предъявить необходимую денежную сумму в 400 долларов на человека — обязательное, как нам сказали в консульстве, условие пропуска на панамскую территорию. Поэтому постарался воспользоваться неожиданно представившейся возможностью «подъехать» к таможенному офицеру: при проверке паспортов (он впервые видел советский паспорт), таможенник упомянул имена Анатолия Карпова и Гарри Каспарова — по-видимому, единственные, знакомые ему русские имена. Простая логика подсказывает, что перед нами заядлый шахматист. Без колебаний достаю из рюкзака коробку дорожных шахмат, купленных ещё в Геленджике. Произношу интернациональное «презент» и протягиваю представителю панамских властей. Таможенник размягчённо улыбается, благодарит. На ожидаемый вопрос о наличии необходимой суммы лишь многозначительно похлопываю по заднему карману джинсов, в котором кроме записной книжки ничего нет. Спокойствие, которое я демонстрирую всем своим видом, уверенный жест, а главное — подарок, который ему явно не терпится рассмотреть, удовлетворяют офицера и в паспортах появляется желаемый штамп. Вздыхаем украдкой, но с облегчением. Однако вскоре узнаём, что радоваться рано, так как из этого пункта в Панаму дороги тоже нет — на триста километров непроходимые джунгли. Ожидаемый здесь пароходик прибудет только через пару недель. Остается — самолёт, который привезёт сюда почту через день-два. Но два билета будут стоить 80 долларов. У нас же в наличии только «НЗ» — зашитая в подкладку джинсов 50-долларовая купюра, о которой я приказал себе забыть ещё в Эквадоре. Но сейчас, похоже, именно тот случай… Конечно, этой суммы не хватает, но — где наша не пропадала! Но ведь до самолета ещё

дожить надо. Стас берёт леску с крючком и направляется на причал. Я в это время разжигаю огонь в тут же сложенном прямо на пляже примитивном очаге и ставлю воду в котелке. Через некоторое время уха из выловленной Стасем рыбы готова. Угощаем молодых ребят — пограничников, с которыми быстро нашли общий язык. К костру постоянно подходят всё новые солдаты — всех интересуют русские. Здесь, как и в других странах Латинской Америки, очень не любят американцев — «гринго», к нам же отношение другое, доброжелательное. А со стороны пограничников, так и вообще дружеское. В основном, благодаря моей профессии. От них мы узнали, что бокс в Панаме — спорт № 1.

Темнеет. В темноте ярко вспыхивают огоньки светлячков. Завариваем чай и угощаем новых друзей. В Латинской Америке этот напиток мало распространён. Пьют здесь, в основном, кофе. Некоторые из ребят попробовали чай впервые. На алтарь «Дружбы Народов» кладём остатки сахара. Один из пограничников уходит и через некоторое время возвращается с большим зеленым плодом в руках. Называет его «пан», что по-испански означает «хлеб», мы понятия не имеем, что с ним делать, поэтому солдат, улыбаясь, достаёт кинжал и начинает очищать половину от зеленой кожуры и сердцевины. Затем режет белое твердое содержимое на кубики, тогда как его товарищ наполняет котелок водой и высыпает в него ложку соли. Через некоторое время вода закипает, и повар-доброволец варит приготовленный полуфабрикат, время от времени пробуя его ложкой. Минут через двадцать блюдо готово. Мы впервые пробуем плод хлебного дерева. Очень вкусно! На вкус почти не отличается от варёной картошки. Эх, маслица да селедочки бы!

Ложусь спать первым — в нашем коллективе я — «жаворонок». В задачу Стасика входит поддержание огня в самодельном очаге и сбор сухих стеблей и плавника. Спать решили на спальном мешке, который расстелили прямо на досках причала, над водой. У нас был фонарь, но ребята дали нам ещё один, увеличив тем самым нашу «огневую мощь» вдвое, а сами спокойно отправились спать, предоставив нам охрану Государственной границы Республики Панамá на общественных, так сказать, началах. Долго не могу уснуть, глядя в звездное небо и слушая шорох листьев кокосовых пальм, обступивших пустынный коралловый пляж, на который с тихим плеском накатываются волны Карибского моря…

Будит меня громкое восклицание сына. Оказывается, собирая щепки, он наткнулся на громадную жабу, которая, по его выражению, чуть не сбила его с ног. Жаба действительно

огромная, величиной с кошку. Не жаба, а прямо волкодав какой-то… И, как оказалось, не в единственном экземпляре. Когда наступила моя очередь несения боевого дежурства, я несколько раз натыкался на них в поисках хвороста. Не большее удовольствие доставлял нам и вид гигантских тараканов, что населяют сельву в огромных количествах. К тому же они здесь ещё и летают!

Утром на пляж вышли заспанные рыбаки — жители деревни, в основном, негры. Столкнув в воду свои долблёнки, они не стали утруждать себя выходом в открытое море, а, покрутившись по бухточке с полчаса и несколько раз закинув в воду сетки, вернулись на берег с количеством рыбы, вполне достаточным для завтрака и обеда своих семейств. Стасик, надев маску с трубкой, понырял в прозрачной воде и вылез на берег в полном восхищении от увиденного. Действительно, человек, не спускавшийся под воду в тропических морях, просто не в состоянии представить себе красоты подводного царства.

На следующий день прилетел крошечный самолетик, который приземлился прямо на продолговатую поляну между хижинами. Вылез пилот, огромного роста негр в белоснежной рубашке, занимающий, очевидно, добрую половину своего летательного аппарата. Мы объяснили ему, как могли, ситуацию, в которую попали, посулив 50 долларов за перелет в столицу Панамы. Он связался со своей кампанией по радиотелефону, что-то долго говорил в трубку. Затем, прикрыв микрофон ладонью, поинтересовался, есть ли у нас родственники в Панама-сити. С удовлетворением выслушав наш ответ, из которого следовало, что почти всё население Панамы является нашими родственниками, он ознакомил с этим радостным известием своё руководство и дал разрешение на посадку в самолёт. Полёт проходил на малой скорости и очень низко, так что мы могли видеть внизу всё, до мельчайших деталей. Сначала летели над атлантическим побережьем Панамы, представляющим собою сотни, а может быть, тысячи крошечных островков, с кокосовыми пальмами, белым коралловым песком, изумрудно-бирюзовыми лагунами — совсем как на рекламных проспектах. Затем повернули на запад, в сторону Тихого океана и под нами затаился тропический лес, без единой прогалины или признаков жилья. И вот, наконец, небоскрёбы Панама-сити — столицы Республики Панама. Приземляемся на небольшом аэродроме почти в центре города, и пилот ведёт нас в офис компании. Врученная нами 50-долларовая бумажка не удовлетворила руководство, потребовавшее доплатить ещё 30 долларов. С чистой совестью (ведь мы с самого начала предупредили пилота, что больше у нас

нет ни цента), мы заявили, что просто не в состоянии выполнить хотя и справедливое, но нереальное требование владельцев самолета. Решив, что наши родственники в Панаме должны взять на себя оплату нашего долга, служащий начал с пристрастием выпытывать у нас их адреса. Думаю, если бы он применил к нам «третью степень устрашения», ни одного ответа на интересующие его вопросы он бы не получил. И вовсе не из-за нашей стойкости… При этом ссылка на родственные связи с большинством населения Панамы не была с нашей стороны ложью. Все мы потомки Адама. Но для того, чтобы назвать адреса наших родственников по этой линии, мне нужна хотя бы телефонная книга… С этими своими соображениями я и ознакомил уважаемую аудиторию. Не знаю уж, в какой степени мои доводы были признаны убедительными, но задерживать нас больше не стали и отпустили с богом. Выйдя на площадь перед аэродромом и ощущая не совсем приятную легкость в пустых карманах, стали думать, что делать дальше. У нас был адрес панамского отделения «АКНУР» а, почерпнутый из телефонной книги панамского консульства в Барранкилье. Выяснилось, что офис этой организации находится сравнительно недалеко от аэродрома в небоскрёбе, принадлежащем «Экстериор-Банку». Туда мы и направились. Оттуда нас направили в местное отделение этой организации. Вечером мы разместились в «резиденсии» «Ана», поделив комнату с двумя эмигрантами из Колумбии и Доминиканской Республики. Утром выяснилось, что в «резиденсии» проживают: один югослав, два румына, один кубинец. Остальные — негры из Гаити и Доминиканы. Однако, денег на питание у нас не было и вынужденное «воздержание» продлилось три дня. Ровно столько, сколько потребовалось для того, чтобы со скрипом повернулось колесо бюрократической машины и мы получили небольшую сумму, которую постарались растянуть на возможно большее время. Нас познакомили с женщиной из Москвы, бывшей замужем за панамцем и проживающей здесь уже более 20 лет. Людмила настойчиво предлагала покинуть веселую цветную компанию и переселиться к ней, так как живёт она одна в большой квартире. Через неделю мы сдались и перебрались к ней. Не последнюю роль в этом решении сыграло не совсем приятное открытие, что в наше отсутствие наши вещи вызывают чьё-то любопытство.

Квартира и впрямь оказалась большой и комфортабельной: два туалета, два душа и т. п. Узнав, что я рисую, Людмила в два счёта организовала мне заказ на «русский пейзаж» в технике пастели. Стосковавшись по работе, я взялся за дело с настроением, и заказчица осталась весьма довольна. Об оплате я

говорить постеснялся и предложил ей решить этот вопрос на своё усмотрение. Поэтому удовлетворился платой в 20 долларов. И тут же получил заказ ещё на три пейзажа такого же формата, но уже на зимнюю, осеннюю и летнюю темы (предыдущим был весенний пейзаж). Мои работы понравились подругам Валентины (так звали заказчицу), и заказы посыпались со всех сторон. К сожалению, торговаться и халтурить я так и не научился, поэтому, хоть и работаю быстро, после каждой выполненной работы чувствую себя как выжатый лимон. Но и 20 долларов здесь — приличные деньги, так что мы довольно быстро восстановили свой бюджет. Даже купили Стасику новые джинсы и кроссовки. В скором времени и сын подыскал себе работу: в одном ресторане, хозяин которого грек Петрос, была мойка машин. Стасу удалось пристроиться там. Работа тяжелая, но сын каждый день стал гордо вручать мне 3, 4, а иногда и 5 долларов. Кое-что оставалось у него и на карманные расходы, что особенно важно для мальчишек в его возрасте. Мне же удалось, помимо живописи, найти частные уроки бокса — занимался с сыном одного панамского врача, учившегося в СССР. За каждое занятие мне платили 5 долларов. К сожалению, возникли некоторые трудности в отношениях с приютившей нас женщиной — вещь неизбежная, когда человек привык к одиночеству. Поэтому, не желая доводить дело до конфликта, мы сняли комнату у одной многодетной мулатки. С детьми (их четверо) мы сразу нашли общий язык. Но уже через пару недель наша симпатичная хозяйка поссорилась со своим сожителем. После его ухода, приняв «с горя» солидную дозу наркотиков (что здесь заменяет «полли́тру»), она рано утром ворвалась в нашу комнату и чуть не зарезала меня большим кухонным ножом. К счастью, сын в это время находился в туалете — его койка стояла ближе к двери, чем моя и страшно подумать, что могло произойти, окажись он в комнате. Вулканический темперамент нашей хозяйки, столь непривычный для жителей севера, несколько шокировал нас. Воспользовавшись временным затишьем, мы быстренько собрали свои вещи и направились к друзьям. Оценив сложившуюся обстановку, они не советовали нам возвращаться в спешно покинутое жильё и к вечеру нашли нам новое пристанище. Нашим новым хозяином стал интереснейший человек — сеньор Карлос Вонг. Он наполовину китаец (панамского происхождения), наполовину — коммунист. Поэт. Квартира, кроме огромного количества книг, буквально набита сувенирами — подарками людей, побывавших здесь. А бывали тут удивительные люди: писатели Жоржи Амаду, Габриэль Гарси́я Марке́с, Астуриас. Артисты, поэты, художники, музыканты… Бывал здесь и наш поэт Е. Евтушенко и даже кто-то

из космонавтов. На телевизоре стоит кукла в национальном вьетнамском костюме — подарок Президента Вьетнама. Портреты С. Боливара, Ленина и Че Гевары на стенах дают представление о политических симпатиях Карлоса Вонга. Он — видный член /и даже, кажется, член ЦК Компартии Панамы. Мои взгляды ему известны, но он мирится с ними по нескольким причинам. Первая заключается в том, что ему, по-видимому, нужны деньги, которые мы платим за комнату в большом доме (он живёт один). Вторая — незнание им русского и английского и мое плохое владение испанским делает невозможными политические дискуссии. В-третьих, Компартия Панамы ещё не пришла к власти и поэтому ее членам не чужд некоторый плюрализм. А приготовленные мною украинский борщ и холодец и вовсе располагают сеньора Вонга к нам (вкусно покушать он любит и сам хорошо готовит китайские и панамские блюда).

В соседнем доме живет тридцатипятилетний американец — служащий администрации Панамского канала. У Джонни есть открытой джип «Тойота» и два больших черных пит-буль-терьера, Бальбоа и Писарро. Имена великих конкистадоров ко многому обязывают и два братца стараются вовсю: от их хулиганских выходок неуютно чувствуют себя не только соседи, но и жители по крайней мере двух прилегающих кварталов. Недавно сильно досталось соседскому садовнику. Когда Бальбоа и Писарро полюбопытствовали, чем он таким занимается в соседнем дворе, тот вздумал замахнуться на них палкой, не ведая о том, что в этих любознательных животных с добродушными пиратскими физиономиями, живёт неукротимый дух нищих, но гордых идальго. Зарплата их хозяина достаточно велика, но всё же 700 долларов за лечение от укусов нанесли ощутимый ущерб его бюджету, за что Бальбоа и Писарро были подвергнуты санкциям, вполне соответствующим национальным особенностям характера их хозяина: жесткая блокада, выразившаяся в ограничении свободы передвижения (бедняги были посажены на цепь) и трёхдневным экономическим эмбарго (сокращением рациона). Нас собаки любят, а Стаса даже слишком, поэтому он постоянно ходит, измазанный их могучими лапами и обслюнявленный их радостными поцелуями. Огромное удовольствие черным бандитам доставляет езда на заднем сидении джипа, где они занимают места, всегда соответствующие штатному расписанию: Бальбоа по правому борту, Писарро — на противоположной стороне. Положив передние лапы на борта машины, они с высоты своего положения гордо озирают окрестности. Когда Джонни делает остановку у дверей заведений, где можно выпить бутылку пива или пропустить стаканчик виски (надо сказать, делает он

это нередко, возвращаясь домой на «автопилоте») — он безбоязненно оставляет ключ зажигания в замке. Джонни везёт — охотников покататься в джипе без разрешения пока не нашлось…

Панама — интересная страна. Чем больше мы здесь живём, тем больше она нам нравится. Своей валюты здесь нет — только доллары США. Несмотря на то, что это спасает экономику Панамы от инфляционных процессов, бушующих в других латиноамериканские странах, отсутствие национальной валюты больно ранит самолюбие гордых панамцев. Поэтому даже доллары они называют «бальбоа». «Из вредности», как говорит Стасик. Правда, в стране чеканится монета с изображением профиля великого конкистадора, достоинством 5, 10, 25 и 50 центов.

Панамские индейцы одеждой и внешним видом сильно отличаются от индейцев Бразилии, Перу, Боливии, Эквадора. Женщины носят в носу обязательное золотое кольцо, что видимо делает их привлекательными в глазах соплеменников. Их национальный герой — Уррака, более 9 лет ведший борьбу с испанскими завоевателями. Его именем и статуями украшаются улицы, площади, здания. Медная одноцентовая монета знакомит нас с гордым профилем индейского вождя.

Бокс в Панаме — любимейший вид спорта. Из Панамы вышло около дюжины чемпионов мира среди профессионалов. В том числе такие знаменитости, как Браун, Педроса, Роберто Дуран. Но сегодня любительский бокс в Панаме переживает не лучшие времена. Да и в профессиональном панамцы утратили свои позиции. Связавшись с Президентом Ассоциации боксёров-любителей, сеньором Марио Чаном, предложил свои услуги. Помогла вырезка из бразильской газеты «О'Жиа» с моей фотографией, повествующая о тренерском семинаре, проведённом в Рио-де-Жанейро. Решили для проведения семинара воспользоваться запланированным Чемпионатом Панамы среди юниоров в г. Сантьяго, где будут собраны тренеры, работающие в любительском боксе. Пришлось сильно подсократить программу, рассчитанную на две недели занятий и уложиться в два дня. Тем не менее семинар прошел с большим успехом и, по мнению участников и руководства Федерации, был весьма полезен. Подтверждением этого послужила значительная сумма, выплаченная мне в качестве гонорара.

Что касается политической обстановки в стране, то стабильной её назвать трудно. Чем-то она напоминает ситуацию, сложившуюся во многих республикам бывшего СССР после его развала. Пришедшее к власти в Панаме «демократическое» правительство (напомню, оно пришло к власти после вторжения

американцев и ареста диктатора Норьеги) уже успело порядком дискредитировать себя некомпетентностью и коррупцией. Большой ущерб внутренней стабильности нанёс также разгон армии, осуществленный по требованию Соединённых Штатов. Большое количество огнестрельного оружия осталось на руках населения и время от времени оно стреляет. Возросла активность криминального элемента. Особую угрозу создают рейды в Панаму гангстеров из соседней Колумбии. Сделав свое чёрное дело, они тут же исчезают на сопредельной территории, недосягаемой для панамской полиции. Ежедневные выпуски газет публикуют на первой странице фотографии жертв этих рейдов, одна другой страшней, и правые, и левые обвиняют во всём Штаты — «гринго» здесь тоже не любят. Заодно достаётся и России, ныне отказавшейся от почётной обязанности снабжать оружием и деньгами любую группировку, декларирующую борьбу против американского империализма.

У нашего хозяина, сеньора Карлоса Вонга — очередной «сходняк». Я уже писал, что он занимает видное место в руководстве Компартии Панамы. На этот раз собрание носит солидное название: «Региональный съезд КПП», как значится в специально отпечатанных программках. Громкая музыка, бар с богатым выбором спиртных напитков, оборудованный на веранде, обильное угощение, убеждают в том, что панамские коммунисты далеко ушли вперед в искусстве конспирации от российских большевиков дореволюционных времен, с их скромными чаепитиями и танцами под гармошку. Партия рабочего класса и трудового крестьянства представлена здесь исключительно творческой интеллигенцией, которой рабочий люд Панамы, очевидно, доверяет безгранично. За столом ведётся ожесточённая классовая борьба, с огненными речами, призывающими угнетённых свергнуть иго ненавистного капитала и решительным «НЕТ!» американскому империализму. Надо сказать, что ЦРУ не дремлет и в борьбе с авангардом рабочего класса прибегает к актам беспощадного террора. Так, например, во время застолья оказался забитым унитаз в единственном туалете. Трудно сказать, к каким катастрофическим последствиям в деле построения Общества Равных привела бы эта диверсия, если бы в моём лице коммунисты Панамы не нашли человека, прошедшего суровую школу жизни в этом обществе. Обнаружение и обезвреживание хитроумного устройства в виде одноразового пластмассового стаканчика, закупорившего отверстие, не заняло у меня больше десяти минут, после чего тихая паника, вызванная подлыми происками классового врага, улеглась и борьба с мировой реакцией пошла своим чередом. Группа из трёх

активных борцов с солидными ёмкостями, наполненными «Баккарди» («привет от Хемингуэя»), увлекла меня в уютный уголок на веранде и втянула в политическую дискуссию. По причине моего весьма слабого испанского разговор шёл через переводчика, изучавшего русский язык и практику партийного строительства (а может быть и что-нибудь ещё) в московском Университете им. Патриса Лумумбы. Очевидно, своим самоотверженным поступком (по секрету скажу — вызванным причинами, так сказать, личного свойства) я заслужил их уважение и, несмотря на известную им дремучую мою беспартийность, беседа носила вполне доверительный характер. Перво-наперво взялись за Ельцина и Горбачёва, заклеймёнными общим эпитетом «предатели». После чего досталось Хрущёву. Размявшись подобным образом, мои собеседники принялись за Сталина. Здесь мнения их разошлись. Один из них назвал Иосифа Виссарионовича «фашистом» и «диктатором», тогда как другие, не согласившись с предыдущим оратором, признали его «антифашистом», но эпитет «диктатор» был признан правильным. В основном, претензии к «лучшему другу всех коммунистов» были вызваны тем, что он «уничтожил ленинскую гвардию» (при этом уничтожение миллионов людей, не входящих в эту самую «гвардию» в вину Сталину не ставилось). После этого снова перешли на личности Горбачева и Ельцина, нанёсших непоправимый ущерб государству рабочих и крестьян, а заодно и бюджету братских партий. С этим *я* не мог не согласиться, глядя на сгрудившийся у входа табунчик машин защитников обездоленных, среди которых хоть и много достаточно дорогих, но отнюдь не последних моделей. Мои робкие попытки выяснить отношение собеседников к такой неординарной личности, как Леонид Ильич Брежнев, поначалу ни к чему не привели, но, в конце концов, настойчивость взяла верх, и мне удалось выяснить, что он «не был настоящим коммунистом», но для дела коммунизма был чрезвычайно полезен. Здесь я допустил бестактность, выразив недоумение по поводу того факта, что социалистическим государством, строящим коммунизм, его славной ленинской коммунистической партией, на протяжении всей истории руководили «ненастоящие коммунисты». А раз так, то товарищи Ельцин и Горбачёв просто не могут быть предателями дела коммунизма, так как предавать им собственно было нечего… После этой мысли, высказанной вслух и выдающей мою полную некомпетентность в вопросах марксистско-ленинской философии, я явно выпал из сферы интересов своих собеседников, переместивших на освободившееся место стаканы с их содержимым. Тут меня перехватили другие товарищи, среди

которых одна из представительниц прекрасного пола продемонстрировала несколько рисунков, сделанных мною во время предыдущей беседы. Дело в том, что я так и не избавился от школьной привычки в задумчивости рисовать что-нибудь на промокашке, а так как некоторые способности к рисованию в моих набросках проглядываются, демонстрируемые «произведения искусства» вызвали незаслуженный восторг в массах. В комплекте с обнаруженным ими моём знакомстве с латиноамериканской литературой (Г. Г. Маркес, Астуриас, Рохас, Гальего) это дало основание вернуться к теме достижений социалистического строя в области культуры. Выяснилось, что я — «типичный продукт социалистического воспитания», так как интеллект советского тренера по боксу превосходит интеллект представителя той же профессии здесь, в капиталистической Панаме. Не знаю уж, что заставило меня промолчать и не сказать, что среди моих коллег в России тоже просматривается некоторая дифференциация в плане интеллекта…

Несмотря на различие в политических взглядах, с сеньором Вонгом мы жили, что называется, душа в душу, являя собою пример, достойный подражания. Однако, в наших отношениях неожиданно появилась трещина. Причиной этого явился удар, полученный нами со стороны, откуда мы его никак не ожидали. А именно со стороны «АКНУР» а — то есть организации, в чьи обязанности как раз и входит защита интересов «перемещённых лиц», каковыми мы и являемся. Дело в том, что именно эта организация взята нас под свою опеку, пообещав добиться для нас визы, дающей право на работу. Без этой визы устроиться на работу в Панаме, как и в большинстве стран, нельзя. Вопрос этот решается в течении трёх месяцев (но не более). До этих пор мы сдали свои паспорта в обмен на удостоверение, в котором чёрным по белому сказано: «без права на работу». Удостоверение действительно только в течение этих трех месяцев, в течение которых «АКНУР» берет на себя обязательство выделять ежемесячно определенную сумму на оплату жилья и питание. Но если деньги на питание (честно говоря — мизерные, но и за это, как говорится, спасибо) выдаются на руки, то оплата жилья производится «АКНУР» ом по прямому договору с квартиросдатчиком. Как правило, работники этой организации сами рекомендуют «подшефным» жильё. Именно таким образом мы и попали на квартиру к той самой мулатке, от которой сбежали. Ее рекомендовали нам две её подруги, работающие в «АКНУР» е, желая помочь ей деньгами. Помните поговорку: «Жалует царь, да не жалует псарь»? Так вот, это тот самый случай. В связи с тем, что основания для смени жилья у нас были

более чем серьёзными, руководство «АКНУР» а пошло нам навстречу, разрешив самим подыскать подходящее жильё. Именно так мы и оказались на квартире у Вонга, с которым и был заключён договор. Но подруги мулатки — хозяйки предыдущего жилья, отомстили нам (очевидно, они имели неприятности с руководством из-за этого случая). Сделано это было чисто по-женски — мелочно и злобно. Прекратив дотацию по истечению трехмесячного срока, они скрыли этот факт от нашего хозяина, представив дело так, будто мы сами «перехватили» деньги, не желая платить за жильё. Между нами и нашим хозяином состоялся очень неприятный разговор. На следующий день мы представили доказательства непричастности к этой подлости и всё разъяснилось. Сеньор Вонг принёс нам свои извинения и даже предложил жить у него совершенно бесплатно столько, сколько нам потребуется. Но оскорблённые тем, что хозяин на первых порах поверил не нам, с кем в течение более чем двух месяцев целил хлеб, а вышеупомянутым сотрудникам вышеупомянутой организации, мы отправились «искать по свету, где оскорблённому есть чувству уголок». Далеко идти не пришлось — нас позвал к себе тот самый американец, Джонни, хозяин пит-буль-терьеров Бальбоа и Писарро. «Стопроцентный американец», Джонни, как выяснилось, имел мать-никарагуанку и отца-венгра, эмигрировавшего из Венгрии в пятидесятых годах во время известных событий. Одним из побудительных мотивов этого приглашения явилось воспоминание о борще, приготовленном мною в доме сеньора Вонга и который соседу, Джонни, удалось попробовать. В знак признательности за помощь в трудный момент жизни, я в первый же день пребывания на новом месте приготовил ещё одно своё «коронное» блюдо — пельмени, от которых Джонни был в восторге (ел их даже ночью!). На следующий день Джонни притащил целую сумку, набитую всеми ингредиентами для приготовления борща в количестве, достаточном чтобы накормить значительную часть американского экспедиционного корпуса в Панаме. Намёк был понят, и к концу дня на плите стояла огромная кастрюля удавшегося и на этот раз борща. К нашему удивлению, обошлось без помощи извне. Вообще, в лице Джонни я встретил весьма благодарную аудиторию для демонстрации своих кулинарных способностей. Из «отходов производства» — костей и овощных очистков Джонни готовил «борщ» для Писарро и Бальбоа. Так что все были довольны. Стас оказывал посильную помощь нашему хозяину в ремонте старинного «тандербёрда», а также недавно им купленной небольшой прогулочной яхты. Три месяца, необходимых для получения документов, дающих право на

работу, в течение которых «АКНУР» оказывает материальную поддержку, давно истекли. Врученное нам в замен паспортов удостоверение с надписью «без права на работу» не даёт нам никаких шансов устроиться хоть куда-нибудь, мы знаем, что все наши знакомые получили долгожданные документы менее чем за три месяца. В чём же дело? Как жить? С этими вопросами идём в «АКНУР». И попадаем, конечно же, к тем самым женщинам… С плохо скрытым торжеством они заявляют нам, что ждать нам, возможно, придётся… ещё два-три месяца! На вопрос: «как же жить?» разводят руками. Мы чувствуем, что-то здесь не так, но попасть к более высокому начальству через голову «ведущих» — то есть этих самых женщин — невозможно. Бюрократия в этой организации — страшная! В надежде найти работу в провинции, мы со Стасем выехали в отдалённый департамент «Бокас дель Торо». Но и здесь непроходимым препятствием стала всё та же запрещающая работу, надпись в «корнете». Заехав на обратном пути в г. Давид, центр самой богатой панамской провинции Чирики, вернулись в Панаму. Совершенно очевидно, что наши «подруги» в «АКНУР» е не остановятся на достигнутом, а прожить даже и эти, обещанные «два-три месяца» без работы мы просто не сможем (нельзя же, в самом деле, бесконечно пользоваться гостеприимством Джонни).

И мы снова стали готовиться в путь. На этот раз — в Коста-Рику. Неожиданную помощь в отъезде мы получили в местной баптистской общине. К нашему удивлению мы без всякого труда получили визу в эту страну, что расценили как «знак свыше» — ведь все «русские», с которыми мы встречались, убеждали нас в нереальности получения визы в эту страну в советский паспорт.

У читателя наверное возникнет вопрос: почему же, попав в столь трудное положение, мы не стали искать помощи у соотечественников? Вопрос, конечно интересный и я попробую ответить на него как можно более подробно, но, по-видимому, не совсем объективно, так как опираться буду в основном, на собственный опыт и опыт наших немногих русских друзей, чего, пожалуй, недостаточно для фундаментального исследования, под названием «Русские за границей». Кроме того, из каждого правила всегда есть исключения, что видно хотя бы из приведенных выше глав этих «записок». К тому же «русская колония» в Панаме — особая, как говорится, стать.

Итак. Трудности наши не исчерпываются описанными выше проблемами с «АКНУР» ом. Разорился и уехал, продав свой ресторан, грек Петрос, у которого, как вы помните, подрабатывал Стас. Причем, уехав, он даже не рассчитался со многими своими работниками, в том числе и со Стасом. В моем случае Федерация

бокса, обещавшая работу, заняла выжидательную позицию до решения вопроса с рабочей визой. Конечно, если бы мы имели какие-либо финансовые возможности продержаться какое-то время — рано или поздно всё как-нибудь образовалось бы… Но такой возможности у нас не было.

Находясь за границей уже несколько лет, мы имели возможность наблюдать, как помогают за границей новоприбывшим землякам армяне, грузины, греки, евреи, арабы, китайцы… Но русские!.. В Панаме русских много, больше, чем в других латиноамериканских странах, в которых нам довелось побывать. Причём, есть среди них и весьма состоятельные, прибывшие недавно и успевшие урвать кусок в мутной воде «Перестройки», и представители бывших здесь ранее советских внешнеторговых и иных организаций, непонятно каким образом приватизировавшие государственную собственность и находящиеся в банках Панамы валютные средства. Бывшие члены «руководящей» и «направляющей», а также носители «чести и совести» целой эпохи, дававшие в своё время клятву верности «трудовому народу», мгновенно превратились в респектабельных бизнесменов, чванливых и напыщенных. Обращаться к ним за помощью может только «моральный мазохист», желающий получить хорошую порцию унижений. Ведь дальше приемной такого просителя просто не пустят.

Жизнь «простого русского народа» здесь, в Панаме, напоминает, по меткому выражению наших друзей, Мануэля и Ларисы Мора, «жизнь пауков в банке». Тому есть много причин.

Русский человек в СССР привык бороться. Причём, цели и, так сказать, направления, он всегда получал свыше. Боролся за чистоту домов и улиц, за высокую успеваемость, за здоровый быт и высокое качество обслуживания. Во время уборочной по всей стране разворачивалась Великая Битва За Урожай. Наряду с «ЗА» боролись и «ПРОТИВ». Это уже — борьба «глобального» масштаба: против американского империализма, против происков международного сионизма, против неоколониализма и т. д. Здесь, за границей, не имея других целей для привычного состояния борьбы, выходцы из России борются друг с другом. Причём в ход идут все наработанные на далекой родине приёмы борьбы ЗА «место под солнцем» (близость к начальству, получение квартиры, «хлебного места») — интриги, клевета, мелкие пакости. Ты не можешь дружить здесь с кем-то, так как поневоле становишься врагом кого-то. Причём, того, что у тебя появились недоброжелатели или даже враги, ты можешь даже и не знать. Можешь даже и не быть знаком с человеком, который тебя совершенно искренне ненавидит. В связи с этим нельзя быть

полностью уверенным, что наши проблемы с «АКНУР» ом возникли только в связи с конфликтом с вышеупомянутой мулаткой. Не исключено, что вполне в духе старых добрых «совковых» традиций, в этой организации, одной из задач которой является «фильтрация» нежелательных иностранцев, появился «сигнал» о том, что мы, к примеру, являемся представителями, так сказать, российской мафии…

В оставшееся до отъезда время Стасик съездил с Джонни и его пит-буль-терьерами к другу американца, некоему финну, проживающему на островах Сан-Блас, что на атлантическом побережье Панамы. Стас вернулся совершенно очарованный увиденным. После восторженных рассказов сына о волшебном мире кораллового архипелага, побывать там и хоть немного пожить в условиях, далёких от повседневной суеты, стало моей мечтой. Ну что ж, может быть она когда-нибудь и осуществится… А пока — вперёд, на Север!

Провожая нас на своём «тандербёрде», Джонни пребывал в глубочайшей депрессии. Как выяснилось, ему трудно представить свою дальнейшую жизнь без борща, холодца и пельменей. Мы же охвачены привычной дорожной лихорадкой. Погрузились в автобус, идущий прямо до столицы Коста-Рики, города Сан-Хосе.

6. Коста-Рика — «Богатый берег»

Первые несколько часов едем знакомой дорогой, мы уже неоднократно проезжали здесь, следуя в город Сантьяго, город Давид, Бокас-дель-Торо. Вечером подъезжаем к пограничному пункту. Выгружаемся вместе с вещами из автобуса. Нам предстоит таможенный досмотр. Здесь это довольно утомительная процедура. Таможенники скрупулёзно осматривают каждую сумку, вещмешок. Небольшое оживление у соседнего стола — кто-то пытался провезти что-то недозволенное. Наконец снова грузимся в автобус и продолжаем путь. Несмотря на то, что уже глубокая ночь, автобус дважды останавливали вооружённые отряды полиции. Проверка документов и, выборочно, багажа. Наконец, ранним утром, высаживаемся в самом центре столичного города Сан-Хосе. Высота над уровнем моря — более тысячи ветров. Поэтому нет той жары и духоты, что в Панаме. Я отправляюсь разыскивать гостиницу подешевле, Стас караулит вещи. Уютные скамейки на площади, немногочисленность прохожих притупляют его бдительность. Вернувшись через двадцать минут, обнаруживаю отсутствие «дипломата». Я в панике — ведь в «дипломате» все наши документы, включая паспорта Это катастрофа… К нам подходят немногочисленные пассажиры нашего автобуса. Сочувствуют. Выясняется, что кто-то видел только что, как двое мужчин проходили мимо Стаса и скрылись в ближайшем переулке. Как показалось одному из пассажиров, у одного из них в руках был «черный чемоданчик». Двое местных ребят и мы со Стасиком устремляемся в погоню. Какова же была моя радость, когда я вижу в руках у одного из настигнутых парней наш «дипломат»! На наше счастье, портфель, до отказа набитый бумагами, столь тяжёл, что с ним не очень-то побегаешь. Незадачливые воры так испуганы, так безропотно готовы принять заслуженное наказание и кажутся такими беззащитными, что отказываюсь принять участие в экзекуции, которую желают учинить наши союзники по погоне и, радостно прижав к себе багаж, спешу возвратиться на площадь, к оставленным вещам.

Поселяемся в небольшом отеле, расположенным рядом с Центральным рынком. Как выясняется, это не лучшее место и по вечерам здесь не рекомендуется ходить, особенно в одиночку. Но в отеле живёт много американских, канадских и европейских туристов и это нас успокаивает. Связываемся по телефону с несколькими костариканцами, учившимися в СССР и говорящими по-русски. Их телефоны мы получили у наших друзей-панамцев.

Из бесед с ними мы многое узнали об этой стране, посетили с нашими добровольными гидами местные музеи, Кафедральный собор. Интересно, что в Коста-Рике нет армии, да и полиция весьма немногочисленна. Возможно, этим частично объясняется стабильность экономики этой страны. Ведь содержание армии — тяжкое бремя для любого государства.

В районе, где мы живём, всё пропитано запахом кофе. Кругом — лавочки, где продают его зёрна. Здесь же — специальные печи, где их жарят. Несмотря на то, что кофе — основной продукт экспорта Коста-Рики, готовить его здесь не умеют. По крайней мере, во всех лавочках, где мы его пробовали, нас угощали какой-то светло-коричневой бурдой, совсем не похожей на кофе по-турецки, что подавали в уличных кафе невообразимо далёкого теперь города Сухуми. Ничего общего не имеет приготовляемый здесь кофе и с тем напитком, что пробовали мы в Рио-де-Жанейро. И вовсе не потому, что качество местного кофе низкое. Напротив, сорт «Коста-Рика» высоко ценится знатоками во всём мире. Просто широко известная истина, что не всегда сапожник щеголяет в сапогах…

Главная проблема, стоящая перед нами — получение визы в Гондурас и Гватемалу. С никарагуанской визой проблем нет. Заплатив 25 долларов, любой обладатель советского паспорта может стать и обладателем фиолетового штампа, дающего право на посещение Никарагуа. Вот с гондурасской и гватемальской визой сложнее. С этими странами Советский Союз не имел дипломатических отношений. Первое посещение посольств этих стран в Сан-Хосе повергло нас в уныние. В визе нам было категорически отказано. Но неожиданную помощь мы получили от консула Канады. По его просьбе консул Гватемалы поставил в наши паспорта визу этой страны. Мы воспрянули духом, так как гватемальская виза давала нам возможность запрашивать транзитную визу в гондурасском консульстве в Никарагуа. Ещё несколько дней знакомились с достопримечательностями Сан-Хосе под руководством наших друзей-костариканцев. К сожалению, мы так и не смогли съездить на побережье. Говорят, прибрежные города Коста-Рики очень красивы и не случайно являются местами оживленного туризма. 13 ноября отметили годовщину нашей высадки в Новом Свете.

Ранним утром погрузились в автобус, идущий на границу с Никарагуа. И уже через восемь часов проходила таможенный досмотр в никарагуанском пограничном городке Пеньяс Бланкас.

7. Никарагуа. «Штурм Гваса́уле»

Пограничные формальности заняли много времени, так что мы вынуждены были заночевать в этом же городке — по вечерам автобусы в этой стране не ходят. В четыре часа утра выехали в Манагуа. Когда рассвело, от открывшегося за окном пейзажа перехватило дыхание. Чистая яркая заря осветила тихие воды огромного озера Никарагуа. В прозрачном воздухе голубели почти идеальной конической формы вулканы. По воде скользили рыбацкие лодки. Зелень, пальмы и цветы, цветы, цветы… Неправдоподобно прекрасной показалась нам земля Никарагуа!..

Столица Никарагуа, город Манагуа нам не понравился. Слишком малоэтажен для столичного города и слишком разбросан. Причина понятна — этот город перенёс страшное землетрясение в семидесятых годах (кстати, Советский Союз оказал тогда действительно братскую помощь народу Никарагуа и здесь это помнят). Решили не задерживаться и уже утром следующего дня направились в консульство Гондураса. Продемонстрировав гватемальскую визу, мы попросили проставить нам «транзит» через Гондурас на Гватемалу. Визу получили неожиданно легко, заплатив 20 долларов. Ничто не предвещало катаклизмов. Благополучно прибыв на границу, выполнив все формальности на никарагуанской стороне, мы перешли маленькую пограничную речушку по небольшому каменному мостику и оказались на территории Республики Гондурас. Ещё меньше времени потребовалось нам на оформление необходимых документов на гондурасской стороне границы. Мы уже подтягивали ремни рюкзаков, когда меня отозвал в сторонку полицейский офицер. Без обиняков он предложил заплатить ему 50 долларов. За минуту до этого я видел его беседующим с начальником (суперио́ром) миграционной службы, так что сразу догадался, от кого исходит требование. Сумма для нас большая, грозящая сократить нашу платежеспособность чуть не вдвое. Естественно, платить я отказался, тем более, что на нашей стороне были все международные законы и простая логика: никарагуанская виза уже закрыта — то есть, назад дороги нет. Единственная открытая виза у нас в Гватемалу. Арестовывать нас не за что — ни одной буквы законов мы не нарушили, ступив на землю Гондураса с визой, проставленной собственноручно консулом этой страны. А депортировать нас можно только… в Гватемалу, что нам, собственно и требуется. Поэтому когда торг продолжился, дойдя сначала до отметки в 40 долларов и дойдя в конце концов до 28,

мы сохранили непреклонность истинных сынов государства рабочих и крестьян, никогда в жизни не слышавшим о таком позорном явлении, как взятка («рéали» — по-местному). Убедившись в том, что голыми руками нас не возьмёшь, враг затаился, потеряв (во всяком случае, внешне) к нам всякий интерес. Паспорта наши уютно разместились в письменном столе «супериора» где и провели ночь в условиях, гораздо более комфортных, чем их владельцы. Кстати, единственным официальным основанием для нашего задержания (а иначе как это назовешь?) явилось то, что мы — «русские» и наше 24-часовое пребывание (именно на столько даётся «транзитная» виза в Гондурас) в республике создаёт угрозу демократии в этой стране. Следующий рабочий день иммиграционной службы начался в 7 часов утра. Причём, вид поверженного русского десанта значительно повысил работоспособность служащих форпоста гондурасской демократии, что было заметно невооружённым взглядом по веселому оживлению, царившему за окном «офисины». Новый заряд бодрости в их коллектив привнесло появление супериора, решившего, очевидно, нашу проблему. Однако решение это видимо требовало достаточно продолжительного времени на реализацию, чем немедленно воспользовался я, пригрозив начальнику всеми карами небесными, международного сообщества и, впрочем, не совсем уверенно, мерами, которые предпримет посольство России в Манагуа в случае, если издевательствам над гражданами этой Великой Державы не будет положен конец. При этом я сослался на консула Гондураса в Манагуа, собственноручно украсившего наши советские паспорта гондурасской визой. На это начальник с ласковой улыбкой информировал нас, что консул далеко, а он, супериор, здесь, на границе, он и консул и, если хотите, президент, и вообще — начальник. А что касается визы, то господин консул может ставить её где хочет, даже… и начальник весьма недвусмысленным жестом пояснил, куда консул может ставить себе визу, если очень захочется, а под рукой не окажется подходящего паспорта. Несколько обалдев от такого толкования азов демократии, я замолчал. Из состояния оцепенения меня вывело появление на сцене наряда военной полиции в количестве 7 человек, вооружённых дубинками и пистолетами (а двое — автоматами, как заметил намётанным глазом Стасик, израильской системы «Галиль»). По-видимому, никто из них ещё не встречался с русскими вот так, один на один, поэтому вид у них был как у японских камикадзе, идущих в последний и решительный бой. Руководство операцией осуществлял тот же полицейский офицер, что служил доверенным лицом супериора в

его переговорах о размерах контрибуции. Не иначе, как он кончал гондурасскую Академию Генерального Штаба, так как военная хитрость, применённая им на практике, носила печать нестандартного стратегического мышления. Вежливо попросив показать какую-то бумагу, он дождался, пока я наклонился над «дипломатом», положив руки на его замки. В этот момент трое бойцов накинулись на меня сзади, при этом двое схватили за руки, а один — поперёк туловища, блокировав таким образом любую попытку сопротивления. Полицейский во мгновение ока обшарил карманы моих джинсов и торжествующим жестом, напомнившим мне картину «Взятие Рейхстага», продемонстрировал толпе зевак, радостно наблюдающих бесплатный спектакль, изъятый перочинный нож. Полагаю, если до этого и были в толпе гондурасцы, сочувствующие нам, то теперь число их значительно поубавилось. Наверное, холодный пот прошиб каждого истинного патриота Гондураса при мысли о том, какой опасности удалось избежать его родной стране, благодаря своевременным и самоотверженным действиям доблестной полиции. Обезоружив нас, полицейский наряд, похватав наши вещи, взял курс в сторону государственной границы с Никарагуа. Нам ничего не оставалось делать, как, приняв независимый и гордый вид полномочных представителей могущественной державы, присоединиться к шествию. Не хватало только мачт, чтобы выкинуть флаги сигнала «погибаю, но не сдаюсь!». Но историческую фразу: «мы ещё вернёмся» мы всё-таки произнесли. Причём — на испанском языке. Провожавший нас доброй улыбкой супериор в ответ приветственно помахал рукой. Путь был недолгим. Мы и наш караван навьюченных полицейских миновали пограничный мост и вот мы уже на территории Никарагуа, в здании таможни. Чего я боялся, пересекая границу в обратном направлении, так это пинка пониже спины, последнего штриха для полного сходства с известной сценой возвращения Остапа Бендера с румынской границу. К счастью, супериор «Золотого Телёнка» не читал…

Не знаю уж, как было достигнуто соглашение между иммиграционными службами двух государств, но на штампе, закрывавшем нашу никарагуанскую визу, появилась печать «аннуладо» и таким образом, виза была возобновлена. Надо сказать, что никарагуанцы — служащие пограничного пункта, отнеслись к нам с сочувствием, помогли бесплатно доехать до города Чинанде́га, лежащим как раз между Манагуа и пограничным пунктом Гваса́уле, только что покинутым нами. Они же дали нам весьма полезный совет: обратиться к консулу Гондураса, имеющему место пребывания в этом городе. К

сожалению, консула Гондураса в этот момент в Чинандеге не оказалось. Консул (женщина), выехала в Тегусигальпу и должна была вернуться только через три дня. Разместиться в дешёвой гостинице нам помог русский доктор Саша, живущий в Чинандеге уже несколько лет вместе с женой-ленинградкой, Оксаной (тоже врачом) и очаровательной десятилетней дочуркой Анечкой. В отеле, носящем уж не помню какое, но очень громкое название, мы продолжили наше знакомство с фауной Центральной Америки. Но если внешний вид панамских гигантских жаб и исполинских тараканов не доставлял эстетического удовольствия, то представитель животного мира Чинандеги поверг меня в состояние, близкое к панике. Из-за туалетного бачка появился скорпион весьма внушительных размеров (величиной с указательный палец) и, продемонстрировав свой фас и профиль, а также воинственно задранный хвост, неторопливо продефилировал к месту постоянной прописки. Положить конец опасному соседству вызвались Стасик и сосед-американец, назвавшийся большим специалистом по части уничтожения скорпионов. Выкурив чудовище из его укрытия с помощью подожженного полиэтиленового стаканчика, они устроили над ним суд Линча. Неслышимые человеческим ухом вопли истязуемого животного разнеслись по всей округе распугав всех сородичей в радиусе полумили от нашей резиденции. Во всяком случае, за все дни нашего в ней пребывания, ни одного скорпиона мы больше не видели. Хотя, как выяснилось, это вовсе не уникальное для Чинандеги явление. Например, на хозяина отеля наше сообщение не произвело никакого впечатления. Он только порекомендовал нам утром не становиться на пол босыми ногами, не включив свет, а также тщательно встряхивать одежду и обувь перец одеванием. Будьте уверены, эти меры предосторожности соблюдались нами неукоснительно.

Мысль о перенесённом унижении была столь нестерпима, что я и думать не хотел о необходимости поисков других путей обхода враждебной территории. Хотя умные соседи и рекомендовали попробовать отправиться в Гватемалу морем из порта Карри́нто или добираться до города Пото́си, а оттуда — на территорию Сальвадора. Я уже закусил удила и не мог ничего другого делать, как обдумывать различные способы страшной мести оскорбителю. Один за другим были отброшены варианты прорыва через территорию Гондураса на танке с дипломатическим номером, перелёт на дельтаплане, захват самолёта, уничтожение вредного супериора с помощью специально приглашённого из России киллера и многие другие. Предложенный Стасом план — с помощью «подставных» лиц

уговорить нашего врага вложить все свои сбережения в какой-нибудь из российских банков, был, после некоторого размышления отвергнут, как откровенно садистский. Ведь у него могут оказаться и малые дети! Что мы — фашисты какие-нибудь, что ли?!

В конце концов, решили воспользоваться в своей борьбе помощью «левой» прессы и гондурасского посольства в Манагуа. Логика подсказывала, что наш случай может заинтересовать сандинистскую газету «Баррикада» — во время недавней войны именно в Гондурасе базировались отряды «контрас» и Гондурас выступал в роли защитника демократии. Какой — вот этой?! В Чинандеге, с помощью новых наших знакомых (тоже врачей), Мананы и Самвела, выходцев из Грузии и Армении, познакомились с Луисом, окончившим в своё время институт в СССР и хорошо говорящим по-русски. Тот в свою очередь представил нас знакомому журналисту, тут же по телефону продиктовавшему набросок одному из редакторов газеты «Баррикада», русскоговорящему журналисту Гутьересу в Манагуа. Тот заверил нас, что уже завтра статья будет опубликована. Кроме того, сие вопиющее нарушение международных законов, поразило наших новых друзей, туристов из Швейцарии, проживающих неподалеку от нас. Ирэна — журналистка, её муж, Альфонс — адвокат. Их дальнейший маршрут такой же, как и у нас — в Гватемалу через Гондурас. Конечно, путешествуют они более комфортно, нежели мы, но это уж у кого какая «планида»… Они предложили замечательную идею — снять копии со всех наших документов и передать им. А они по прибытию в столицу Гондураса, Тегусигальпу, передадут их в канцелярию Президента, если удастся — со своими комментариями. Подготовив таким образом своё возвращение в Манагуа, мы дождались всё-таки приезда Генерального консула Гондураса в Чинандеге, убедившись в том, что она, возвращаясь сюда через тот же пограничный пункт Гвасауле, получила информацию о «пограничном инциденте» от самого супериора. В его, разумеется, интерпретации. Так что беседа с ней не заняла много времени — ровно столько, чтобы получить заверение в невозможности оказания нам действенной помощи. С тем мы и отбыли в Манагуа, где на терминале нас встретил тот самый русскоговорящий журналист из «Баррикады», Давид Гутьерес. Здесь же, на терминале, он вручил нам экземпляр газеты со статьёй. Вместе с Давидом, на его машине направились в консульство России, где больше часа объясняли консулу ситуацию, сложившуюся на границе, иллюстрируя свой рассказ документами и статьёй из «Баррикад». При этом особый упор

делали на то, что через границу нас не пустили именно потому, что мы русские и паспорта имеем советские. Выжав из консула обещание подготовить ноту российского посольства посольству Гондураса, отправились туда. Встретили нас там неожиданно ласково, принеся официальные извинения и гарантии наказания всех лиц, виновных в происшествии. Тут же была оформлена новая виза взамен испорченной. Кроме того, виза была подкреплена двумя официальными бумагами: Факсом из Тегусигальпы и письмом на фирменном бланке посольства с требованием к пограничной иммиграционной службе оказать нам помощь в нашем передвижении по территории Республики Гондурас. Пока оформляли документы, в приёмной прозвучало два звонка. Первый — из посольства России. Уже знакомый нам консул, Евгений Юрьевич, выразил недоумение по поводу конфликта. И тут же получил заверения в том, что инцидент исчерпан и виновные будут наказаны. Второй звонок был… из канцелярии Президента Республики Гондурас! На консула жалко было смотреть! После того, как он положил трубку, лицо его напоминало медленно закипающий чайник. Я решил подлить масла в огонь, рассказав, как мог, о нашей беседе с супериором и повторив — может быть не столь изящно, зато похоже — жест, которым мой враг снабдил для наглядности свою лекцию о гондурасской демократии. Даже сидевший в другом конце комнаты Стас без труда заметил, что стрела попала в цель. Глядя в лицо консула, я молил Бога, чтобы аудиенция не окончилась инфарктом, чего, безусловно, не делал бы, если бы передо мною сидел супериор.

В Манагуа пробыли еще два дня — здесь проводилась матчевая встреча между национальными боксерскими командами Никарагуа и Сальвадора. Мне была предложена роль арбитра, на что я согласился с удовольствием по двум причинам. Первая заключалась в возможности несколько поправить наше финансовое положение, вторая — в желании посмотреть обе команды «в деле», чтобы составить представление об уровне их подготовки. К моему удивлению, уровень технического мастерства большинства боксёров оказался довольно высок. Нелишним оказался и приличный гонорар, выплаченный мне за судейство.

Утром отправились по уже знакомому пути в Чинандегу, где пересели в попутную машину, идущую на границу. Уже к одиннадцати утра были на месте. Никарагуанские пограничники встретили нас как старых знакомых, без очереди оформили наши документы, порадовались за нас. Победителями пересекли памятный мостик, гордо посматривая по сторонам. Подойдя к

окошку иммиграционной службы, с каменным выражением лица, протянул наши паспорта дежурному офицеру. Тот стал внимательно, не торопясь, их рассматривать. Его спокойствие мне не понравилось. Наклонившись, заглянул через окошко в офис. Супериора на месте не оказалось. Зато все остальные участники нашей прошлой встречи — налицо. Один из офицеров, говорящий по-английски, зачем-то пригласил в офис Стасика. Выяснилось, что их начальника вызвали в Тегусигальпу и его сотрудников интересовало, зачем мы так сильно «наехали» на него — ведь, по их мнению, можно было решить дело миром… Дурные предчувствия навалились на меня, когда я увидел, что наши паспорта заняли привычное уже место в ящике письменного стола. Трёхчасовое ожидание и… очередная депортация на никарагуанскую сторону! Думаю, наш враг дал бы в десять раз больше, чем хотел получить с нас, за одну только возможность хоть одним глазом посмотреть на меня в этот момент с безопасного расстояния! Когда рассудок взял верх над эмоциями и ко мне вернулась способность соображать, я кинулся к телефону. Никарагуанский начальник службы эмиграции дал мне телефон российского посольства в Манагуа и даже любезно позволил воспользоваться служебным аппаратом. Евгений Юрьевич, до которого я дозвонился, выслушал меня и попросил перезвонить через пятнадцать минут, в течение которых он попробует связаться с гондурасскими дипломатами. Через четверть часа он посоветовал нам выехать на другой пограничный пункт, Лос-Манос, находящийся севернее Гвасауле. И выразил уверенность, что там у нас проблем не будет, С помощью всё тех же пограничников, сели в попутную машину, идущую в город Лион, откуда лишь вечером добрались до Манагуа. Автобусного центрального вокзала в Манагуа, как и в большинстве Центральноамериканских стран, нет. Автобусы отходят в разных направлениях с различных городских рынков. А их в столице чуть ли не десяток! А если учесть, что после страшного землетрясения 1979 года здесь высоких домов не строят и Манагуа занимает огромную площадь, добраться с одного «меркадо» (рынка) до другого с вещами — проблема, особенно если такси, как в нашем случае, непозволительная роскошь. Автобусное же сообщение между рынками отсутствует. Физическая и моральная усталость была так велика, что решили заночевать прямо на рынке, хотя здесь (впрочем, как и в других латиноамериканских странах) это небезопасно. На наше счастье, хозяин аптеки, молодой парень, говорящий по-английски, ночующий прямо у себя, в «фармации» (аптеке), пригласил нас к себе, где, расстелив на полу газеты и кое-что из своей одежды (спальный мешок мы забыли в Панаме у

Джонни) мы и провели ночь.

Вставать пришлось рано, в четыре утра. Знакомый нашего «аптекаря» подвоз нас до остановки автобуса, идущего в Сомото, из которого мы уже могли добраться до Лос-Манос. В шесть утра мы уже любовались утренней зарёй из окна автобуса. На этот раз озеро Манагуа огибали с востока (путь на Чинандегу лежит по западному берегу), но никарагуанские вулканы видны здесь со всех точек. Особенно почти идеальный конус Сан-Христóбаля, одного из трёх действующих. В это утро дымок из кратера поднимался прямо вверх и был окрашен в розовый цвет лучами восходящего солнца… Потрясающее зрелище!

Никарагуа — горная страна и дорога петляет здесь, то поднимаясь высоко на перевалы, то опускаясь в узкие долины. Прозрачные горные речки, зелёные леса, чёрные базальтовые скалы, красные земляные осыпи, синие горы вдали — это Никарагуа. Убогие индейские лачуги, полуголые ребятишки, просящие милостыню, безногие, безрукие калеки — жертвы недавней войны — это тоже Никарагуа… Не доезжая до Сомото, пересаживаемся в старый грузовичок с ветхим тентом над кузовом — разновидность местного автобуса. Ещё сорок минут петляния по горной дороге — и мы в городке Текаль, откуда попутной машиной добираемся до пограничного пункта Лос-Манос. Каково же было наше удивление, когда начальник иммиграционной службы гондурасского поста, едва взглянув в наши паспорта, заявил, что нас не пропустит. Возмущённому произволом нашему попутчику-канадцу объяснил, что по нашему поводу звонили из Гвасауле и просили нас не пропускать, так как мы там «нехорошо себя вели»… Вот что такое «честь мундира» и профессиональная солидарность взяточников! Похоже, «школу» они проходили в России…

Много овладела полная апатия. Я присел на каменный бордюр и совершенно безучастно воспринял выходку какого-то юного кретина в форме службы иммиграции, который прицепился к нам с требованием удалиться, украдкой, чтобы не видел начальник, показавшего наручники и жестом пояснившего принцип их действия. Из этого состояния меня вывел Стасик, хорошо знающий, на какую кнопку нажать. Напомнив о нашем обещании вернуться, в горячке данном супериору Гвасауле, он сумел уязвить моё самолюбие и привести в движение. На очередном грузовике, в страшной тесноте, с двумя индейскими ребятишками на коленях, прибыли в Сомото. Смеркалось. В это время междугородний транспорт в Никарагуа не функционирует, к тому же — пятница и до понедельника в Манагуа делать нечего. Мы устало брели по пыльной улице городка и вслух решали, что

делать дальше. И вдруг — скажите после этого, что чудес не бывает! — услышали по-русски: «добрый вечер!» На тротуаре возле дома молодая миловидная женщина с ребёнком на руках. Только мы успели ответить на приветствие, как из соседнего дома выходит парень и тоже здоровается с нами по-русски! Оказывается, оба — и Эдит, и Астсель учились в СССР. Обрадовались они нам едва ли не больше, чем мы. Тут же потащили нас за стол, что было весьма кстати — мы весь день ничего не ели. За ужином мы рассказали о наших приключениях. Ребята предложили нам остаться до понедельника у них, так как в Манагуа в выходные дни делать нечего.

Сомото — старинный город, когда-то имел большое значение, но ныне находится в упадке. Полностью подорвала экономику провинции прошедшая война. В городке очень мало машин, а те, что есть, буквально «дышат на ладан». Главный транспорт — лошадь. На лошадях ездят все — и седые кабальеро, и солидные матроны, и юные сеньориты. Мы как будто перенеслись в прошлый век. Дополняют картину гружёные повозки, запряженные ленивыми круторогими быками. Главная достопримечательность Сомото — старый католический храм, построенный ещё конкистадорами в 16 веке. Неоднократно ремонтировался после землетрясений, которые в Никарагуа очень часты. Последний раз был реконструирован в 1815 году, как гласит надпись на мраморной доске. Познакомились с падре, рассказавшим массу интересного из истории города. В свою очередь, очень заинтересованно расспрашивал о России, о процессах, происходящих там после развала Союза, сокрушался по поводу гибели Великой страны. Узнав нашу историю, загорелся идеей нам помочь. Вообще, надо сказать, у большинства никарагуанцев (в отличие, к примеру, от афганцев) отношение к русским очень хорошее. Это мы ощущали на каждом шагу. Обстановка в Никарагуа настолько необычна и сложна, что делать какие-либо обобщения человеку «со стороны» просто нельзя. Например, мы узнали, что армия и полиция, все «силовые структуры» в основном укомплектованы сандинистами. Тогда как Президент (Чаморро) — из противоположного лагеря. Более того, из разговоров со множеством людей нам стало известно, что позиции сандинистов в Никарагуа сегодня даже прочнее, чем в период их правления. Только хочу сразу предостеречь читателя от ошибки: не прав тот, кто считает сандинистов коммунистами. «Фронт Освобождения им. Сандино» включил в себя множество партий и политических течений, боровшихся ранее против диктаторского режима Сомосы, с его «эскадронами смерти», кровавыми расправами, пытками и воровством. Более того,

сандинисты действительно многое сделали для простого народа. А сейчас экономическое положение в стране катастрофическое. Около 75 % (!) трудоспособного населения не имеет постоянной работы. У любого человека сразу возникает вопрос: почему же тогда на прошедших выборах большинство населения Никарагуа проголосовало за Виолетту Чаморро, а не за Даниэля Ортегу? На этот вопрос мне очень хорошо ответил один из работников «Институто Депортес», Анхель Майона, учившийся когда-то в СССР. «Народ устал от войны, — сказал он. — Если бы проголосовали за Ортегу, война продолжалась бы, так как „контрас“, опираясь на поддержку Штатов и свои базы в Гондурасе не сложили бы оружия. А Чаморро обещала именно прекращение войны, улучшение отношений с соседями, а главное — с США». Кстати, своё обещание она выполнила. Хотя я не верю в то, что именно Виолетта Чаморро прекратила войну. Главный вывод, который я сделал, прочитав множество исторической литературы и наблюдая события последних десятилетий: ПОЛИТИКИ МОГУТ ТОЛЬКО РАЗВЯЗЫВАТЬ ВОЙНЫ. Прекращаются войны только тогда, когда народ устаёт от крови до такой степени, что ему становятся безразличны любые лозунги и когда будут истреблены боевики-экстремисты с обеих сторон. Ведь с чего обычно начинаются войны, особенно гражданские? К сожалению, в каждом народе, в каждой нации есть люди с деформированной психикой, криминальными наклонностями, для которых не существует заповеди «не убий». Но когда положение в стране контролируют властные структуры и закон строго наказывает применение оружия, большинство таких людей под страхом наказания боятся дать волю своим природным инстинктам. Такой человек может быть полезным членом общества и за всю жизнь никогда не нарушить закон. Но вот по каким-либо причинам в стране наступает кризис власти. В этой ситуации всегда появляются политики, рвущиеся к сладкому пирогу власти которые стремятся прорваться к ней любой, ценой, и как можно быстрей. Выдвигая популистские лозунги, они призывают «смести врагов с лица земли», объявляя убийство «врагов» благим делом, а тех, кто это делает — «национальными героями», тем самым снимая моральный запрет и раскрепощая потенциального убийцу. Стоит пролиться первой крови, как в конфликт втягивается всё больше людей и не помышлявших ранее о том, чтобы взять в руки оружие. Одни идут в бой, чтобы отомстить за убитых родственников, другие — чтобы защитить свои семьи… А если какая-нибудь внешняя сила заинтересована в крушении государства, его развале или смене режима и предоставляет одной из сторон свои базы и оружие, мы имеем

полномасштабную гражданскую войну, в которой гибнет множество ни в чём не повинных людей. Ничем не рискуют только политики, те, кто своими лозунгами и авторитетом благословил кровавую бойню. Если повезёт, он сядет в кресло хоть ма-а-ленькой, но «суверенной» страны. Если не повезёт — спасётся бегством и Организация Объединённых Наций предоставит ему статус «политического беженца» в какой-нибудь нейтральной стране, в чём часто отказывает жертвам этого самого политика. И голодать ему не придется — как правило, такие политики уезжают не с пустыми руками. Да и «пособие по безработице» для эмигрировавших политиков не идёт в сравнение с жалкими подачками простым беженцам. Опять же, «лекции», интервью всякие… Словом, «политик политику глаз не выклюет»…

Ладно, вернемся к нашему повествованию. Итак, падре пообещал нам «посильную экономическую помощь» и, что гораздо важней, познакомить нас с алькальдом Сомото, кстати — сандинистом, который имеет связи с пограничниками пограничного пункта Эль-Эспино, находящегося также вблизи Сомото. Надо сказать, падре оказался человеком слова, что вообще-то трудно сказать о большинстве латиноамериканцев. Уж очень здесь в ходу слово «маньяна» («завтра»). Алькальд оказался приветливым человеком средних лет с открытой располагающей улыбкой. Пригласил нас к себе домой. Нас поразило как само жилище, так и его интерьер, ничем не отличающееся от домов далеко не самых богатых, жителей города. Кроме нас сеньор алькальд пригласил также «тененте» (лейтенанта), командующего пограничниками Эль-Эспино. Тот, проверил наши паспорта и другие документы, удивился нашим трудностям и пообещал содействовать нашему переходу границы на его участке, используя связи с коллегами «на той стороне».

В понедельник утром он заехал за нами на своём джипе (советского производства) и довёз до самого пограничного поста. Однако сразу по прибытии на место выяснилось, что гондурасская сторона уже уведомлена звонком из Гвасауле о возможной попытке с нашей стороны вторгнуться на территорию Гондураса именно на этом участке государственной границы. Бросив беглый взгляд в направлении наших бумаг, усатый офицер в категорической форме отверг наши притязания и, не вступая в полемику по поводу правомочности его действий, вернул нам наши паспорта. Никарагуанский «тененте» попытался уговорить его, отведя в сторону, но безрезультатно. Самое странное, что я довольно спокойно воспринял неудачу, так как давно для себя решил, что развязку следует искать в Манагуа, в посольстве

Гондураса, для чего ещё в Сомото с помощью Астселя подготовил соответствующую бумагу на испанском языке. С никарагуанского поста позвонил российскому консулу, чем несказанно его удивил. На этот раз он твердо обещал, что нота российского посольства посольству Гондураса уже подписанная послом, утром будет вручена послу Гондураса с соблюдением всех дипломатических правил.

Итак, конфликт между Россией (в нашем лире) и Республикой Гондурас (в лице иммиграционных властей) грозил перейти в новую фазу. Память услужливо подсунула воспоминание об аналогичном инциденте — так называемой «футбольной войне» между тем же Гондурасом и Республикой Сальвадор. Правда, на мой взгляд, повод для этой полномасштабной войны с применением артиллерии и танков, был менее значительным — всего лишь проигранный отборочный матч к Чемпионату мира по футболу…

От границы до Манагуа нас подбросили на своём «Форде» два путешествующих испанца — Маноло и Мануэль. Переночевали все там же — на спортивной базе «Институте Депортес», где нас уже принимали как своих. К слову сказать, эта база — один из бывших загородных домов диктатора Сомосы. Чтоб я так жил…

На этот раз в посольстве Гондураса нас принял Сам Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Гондурас в Республике Никарагуа. Как выяснилось, кроме вышеназванного титула, посол имеет также воинское звание «коронель» (полковник), что в государстве, где правит военщина, значит больше, чем титул посла. Для нас, жителей мирной России, чин полковника мало что значит — у нас из одних генералов можно сформировать дивизию, а то и корпус полного состава. В маленьком воинственном Гондурасе как действующих, так, наверное, и отставных генералов можно пересчитать по пальцам одной руки. Так что полковник здесь — очень высокий чин.

Посол оказался невысоким, средних лет мужчиной, очень быстрым в движениях и улыбчивым. Едва мы появились на пороге его кабинета, он быстро вышел из-за стола нам навстречу, по очереди обняв и обхлопав нас по спине и плечам, проводил к дивану и, вызвав красавицу-секретаршу, обладательницу совершенно очаровательной улыбки (и не только улыбки), заказал для нас кофе. Надо сказать, что если у нас были претензии к качеству приготовленного кофе в Коста-Рике, то здесь он оказался просто превосходным! Посол начал беседу традиционным вопросом о здоровье и очень расстроился узнав, что оно не совсем такое, как хотелось бы и могло бы быть, не случись последних событий. Сделав нам комплимент — похвалив

за упорство и настойчивость в достижении поставленной цели, а также поблагодарив за помощь в борьбе с негативными явлениями на границе (читай — коррупция), с которыми он, посол, неустанно борется, хозяин кабинета заявил, что теперь всё в порядке и мы можем ехать на пограничный пункт Гвасауле в любое удобное для нас время (кроме ночного) и без всяких проблем, а напротив, со всеми возможными удобствами, перейти на территорию его страны. Он заверил нас также, что в Гвасауле уже находится нота из иммиграционного ведомства Гондураса, а все виновные наказаны. Не принимая его веселого тона и ни в малой степени не заразившись его оптимизмом, я сделал встречное предложение: оплатить нам все издержки последние двух недель, включая стоимость гондурасских виз, четырех поездок на границу, а также стоимость питания и ночлега в чти дни. При этом дал понять, что пока речь не идёт о возмещении морального ущерба, но к этому вопросу мы ещё можем вернуться. Настроение посла окончательно испортилось, когда он узнал, что эти требования — следствие окончательной потери нами веры в возможности его ведомства и его лично обуздать строптивого супериора Гвасауле и эта, на мой взгляд, бессмысленная поездка на границу только увеличит сумму требуемой мною компенсации. Надменно вздернув подбородок, посол заявил, что начальник иммиграционного поста Гвасауле — лишь мелкая сошка и если он, коронель, захочет, — завтра же его на границе не будет. Мне вдруг очень захотелось, чтобы это желание пришло к полковнику. Поэтому я дипломатично возразил, что за эти две недели убедился в могуществе супериора Гвасауле. И если он, коронель, «персона гранде» (большой человек), то вышеупомянутый начальник — «персона мас гранде» (ещё бóльший человек). Вот этого уж полковник стерпеть не мог. Стремительно отбежав к столу, он что-то быстро написал на своей визитной карточке. Вручив мне её, он сказал, что мы можем хоть сейчас ехать на границу и показать эту карточку в отделе иммиграции, после чего отпадут все препятствия и нас с почётом проводят на территорию Гондураса. Если же снова возникнут трудности (при этом он грозно нахмурил брови и из весёлого добряка превратился в настоящего полковника), нам нужно лишь позвонить с границы по указанному в карточке номеру и он сам, лично, перевезёт нас на своей машине через весь Гондурас до самой гватемальской границы. Но при этом господина супериора ждут та-а-акие проблемы!.. Сказано это было таким тоном, что мне страстно захотелось, чтобы нас не пропустили и на этот раз. Пожав нам руки и ещё раз ласково похлопав по плечам, посол проводил до двери.

Нам очень хотелось знать смысл магической надписи в визитной карточке и, не обладая достаточным знанием испанского, чтобы расшифровать затейливый почерк посла, мы заехали к нашим друзьям-никарагуанцам в представительство «Аэрофлота», чтобы они перевели текст. Вот его перевод (дословно): «Супериору им. отдела Гвасауле. Я беседовал по телефону с сеньором…. (следуют имя, фамилия и т. д. начальника иммиграционного отдела МВД Гондураса) и рассказал о ненормальной обстановке на границе, созданной вами и он МЕНЯ ПОНЯЛ (выделено не мной. Многозначительно, правда?). Убедительно прошу помочь сеньору Юрию и его сыну, Станиславу, БЕЗ ПРОБЛЕМ проехать через территорию Гондураса в Гватемалу. ПОДПИСЬ».

Я мог торжествовать. По мнению наших друзей, а также российского консула, Евгения Юрьевича, с которым я связался по телефону, такая записка, в условиях гондурасской демократии, значит больше, чем дюжина официальных нот (знакомо, не правда ли?).

Наше появление на границе было встречено никарагуанскими пограничниками с нескрываемым оживлением, как начало интереснейшего, а главное — совершенно бесплатного спектакля. Уже хорошо знакомый нам офицер, увидев нас, приветливо поздоровался и пригласил к себе в кабинет. Уже зная, чем кончались все предыдущие переходы на ту сторону, он предложил не закрывать пока никарагуанскую визу (чтобы не пришлось открывать снова), а перейти сначала в Гондурас и, если там все будет в порядке, вернуться и поставить необходимый штамп. Мы были тронуты его участием, готовностью даже пойти на известные нарушения для того, чтобы нам помочь. Поблагодарив за помощь и сочувствие, мы заверили офицера, что полностью уверены в успехе нашего предприятия, рассказали о встрече с послом, продемонстрировали его визитную карточку со столь многозначительной надписью. Напутствуемые пожеланиями успеха, попрощавшись за руку с личным составом пограничного наряда, двинулись к хорошо знакомому мостику.

Заняв очередь к окошку иммиграционного офиса, через стекло наблюдаю знакомые лица. Вижу, что наше появление не осталось незамеченным. Свободные от оформления документов работники службы сгрудились у одного из столов и оживленно переговариваются, бросая на нас быстрые взгляды. А у двух окошек трудятся в поте лица оформляя паспорта большой группы туристов, знакомый нам офицер, «завернувший» нас во второе наше посещение Гвасауле, и… супериор! По иронии судьбы, именно к его окошку я занял очередь. Оформив документы

стоящего передо мною никарагуанца и не поднимая глаз, супериор вдруг встал и направился к выходу из офиса. Его место за столом занял незнакомый нам сотрудник. Дезертирство начальника (видимо, бывшего) с боевого поста было встречено работниками офиса издевательскими похлопываниями по спине (и даже пониже). Один из офицеров, видимо сочувствующий нам, незаметно для окружающих показал мне сложенный из большого и указательного пальца бублик — жест, выражающий в Латинской Америке высшую степень одобрения, документы были оформлены буквально в две минуты. Открыв паспорта, не поверил собственным глазам: в той графе визы, где должна была стоять «единичка» (виза транзитная, даётся только на 24 часа), стоит цифра «4»! Четверо суток! Вот так подарок! Значит, мы не должны нервничать, боясь к сроку не попасть на границу с Гватемалой, а можем спокойно знакомиться со страной или хотя бы со столицей, Тегусигальпой, в которой, как нам известно, побывало не очень-то много русских, Чудеса продолжались — когда мы подошли к таможенным столам, уже развязывая рюкзаки и готовясь к долгой и утомительной процедуре таможенного досмотра, таможенник, приветственно махнув нам рукой, показал, что мы можем идти. В благодарность подарили ему на память рекламный «аэрофлотовский» журнальчик с отличными фотографиями русских пейзажей и городов «Золотого кольца». Вот он, миг торжества!

Нам продолжало везти. Буквально через пару минут подкатил небольшой автобус на Тегусигальпу (как выяснилось, ходят они действительно редко — всего три или четыре раза в день, так что элемент везения налицо) и ещё засветло мы прибыли в столицу. Прямо с автобусного терминала позвонил незнакомому мне президенту Федерации бокса Гондураса — его визитку дали мне в Никарагуа. Тот попросил подождать на терминале и минут через двадцать приехал за нами на своём микроавтобусе. Видимо желая опровергнуть мнение, сложившееся у нас о гондурасцах после знакомства с иммиграционными властями на границе, он «взял над нами шефство», поместив в принадлежащую ему гостиницу и дав администратору указание «поставить нас на довольствие» в гостиничном ресторане. Утром заехал за нами и целый день показывал нам город. Следующий день у него был занят, и мы принялись самостоятельно знакомиться с Тегусигальпой. Столица Гондураса не произвела на нас впечатления. Чем-то напоминает Манагуа — своей разбросанностью, наверное… Высоких домов также мало — здесь тоже «трясёт». Улицы чистотой не отличаются — разве что в центре, у правительственных зданий уборка проводится регулярно. Правда есть несколько очень

интересных старинных католических соборов. Денежная единица Гондураса имеет название «лемпи́ра» — по имени индейского вождя Лемпиры, поднявшего в 1536 году восстание против захвативших страну испанцев. Испанцы убили Лемпиру во время переговоров и занялись истреблением индейского населения. Сейчас в Гондурасе менее 6 % населения составляют индейцы — гораздо меньше, чем в соседних Никарагуа, Сальвадоре и Гватемале. На рынке, так же, как и в Сан-Хосе — запах кофе. Это одна из главных экспортных культур. Наряду с бананами, какао, сахаром и хлопком.

На следующий день наш гостеприимный хозяин провожает нас на автобус, идущий в город Сан-Педро-Сул, откуда нам предстоит добираться до границы с Гватемалой. В памяти осталась горная дорога, хвойные леса и синее-синее небо с ослепительно-белыми облаками.

8. Страна Кецаля

Ночью в горах Гондураса холодно. Особенно в автобусе, окна которого не закрываются. Автобус старый, неухоженный. Мы мчимся по шоссе, петляющему по горным склонам, ветер врывается в незакрытые окна вместе с холодным туманом, оседает капельками влаги на одежде, заставляет ёжиться, а кое-кого и кашлять. Пассажиры набросали на себя все имеющиеся под рукой тряпки. У нас же вся одежда в рюкзаках, а рюкзаки — в багаже. Мы едем от Сан-Педро-Сул в Агуас-Кальéнтес («Горячие Воды» в дословном переводе) — населённый пункт на границе с Гватемалой.

Наконец доехали. Над виднеющимся впереди пограничный контрольно-пропускным пунктом Гватемалы большой плакат: «Добро пожаловать в страну кецаля!». Немножко нервничали на КПП Гондураса — а вдруг здесь стало известно о нашей «битве при Гвасауле» и местные иммиграционные власти из солидарности с потерпевшим поражение в этой битве коллегой пожелают сделать нам какую-нибудь гадость, на всякий случай подготовили к демонстрации ту самую визитную карточку, которую дал нам на прощание консул Гондураса в Манагуа. Но опасения оказались излишними. Заспанный полицейский не глядя поставил штамп в наших паспортах, и вот мы уже в Гватемале. Посмотреть на наши документы сбежались все официальные лица пограничного пункта. Выяснилось, что здесь еще никогда не видели русских, и советских паспортов никто никогда в руках не держал. Когда любопытство гватемальцев было удовлетворено, выяснилось, что они просто не знают, что с нами делать. После небольшого совещания решили дать факс в Миграсьон Гватемалы. Виза — визой, а бюрократия — бюрократией… Для того, чтобы получить ответ из этого ведомства, «миграсьонщикам» нужно было по меньшей мере три часа. Нам разрешили, оставив вещи на КПП, прогуляться по гватемальской стороне границы. Обменяв оставшиеся у нас гондурасские лемпиры на гватемальские кецали (на гватемальских деньгах изображена эта необычная ало-зелёная птица — символ страны), перекусили в маленьком придорожном ресторанчике. И вот, наконец, в десятом часу, из столицы пришёл факс с позитивным ответом. Автобуса до города Гватемалы — столицы страны — долго ждать не пришлось. По дороге купили новые для нас Фрукты — «чи́кас». Под невзрачной морщинистой серовато-бурой, как старый картофель, кожурой довольно вкусная сладкая мякоть, слегка напомнившая нам вкусом уже знакомый

нам по Эквадору «сопóте». На терминал Гватемалы прибыли днём. Суббота, через четыре дня Новый Год. Но здесь уже вовсю празднуют католическое Рождество. Много времени потратили на поиски подходящей гостиницы. Наконец нашли. Нам досталась небольшая, уютная комнатка с окном во всю стену. Одно неудобство — сильный шум от проезжающих по улице машин. Но это — мелочи. Главное — в гостинице есть душ, в который, правда, нужно подниматься по крутой лестнице аж на самую крышу. На крыше, кроме душевых кабинок, расположено бетонное приспособление для стирки — такие устройства мы видели во всех латиноамериканских странах. Кроме того, здесь же находятся клетки с крупными яркими попугаями, принадлежащими хозяйке. Но главное преимущество гостиницы — её дешевизна.

Новый, 1994 Год столица Гватемалы встретила грохотом взрывающихся петард, оглушительным треском и громом каких-то взрывных устройств неизвестной нам конструкции. Праздничный салют продолжался всю ночь и напомнил мне встречу 1991 года в Пекине. Пользуясь нашей маленькой переносной электроплиткой, я приготовил праздничный ужин, на который пригласили наших соседей — пожилую женщину с двумя дочерьми 12 и 18 лет. После ужина я лёг спать, а Стас отправился с новыми своими знакомыми-ровесниками на улицу. Его всегда увлекали пиротехнические опыты.

К сожалению, через несколько дней пришлось покинуть гостиницу, к которой уже успели привыкнуть. Хозяин, пряча глаза, не принял у нас деньги — плату за следующие несколько суток, сказав, что ждёт большого заезда и поэтому вынужден нам отказать… Вскоре ситуация прояснилась — через несколько дней мы узнали причину нашего изгнания. Дело в том, что у хозяйки пропал самый большой и самый любимый попугай. Его исчезновение совпало с приготовлением мною плова с куриными потрохами, которые я купил вместо мяса, соблазнившись дешевизною. Угостили мы и хозяйку. Среди других потрохов в её тарелку попало и куриное сердечко. Тут она вспомнила, как Стас в шутку сказал, что в России суп из попугаев — национальное блюдо… Как говорится, и смех, и грех…

Как-то в воскресенье поехали в старый город Антигуа, бывший ранее столицей Гватемалы. Землетрясение 1773 года, до основания разрушившее город, послужило причиной переноса столицы в г. Гватемала. Сейчас развалины Антигуа, кое-где подреставрированные, — музей под открытым небом, где туристы могут любоваться архитектурой средневековых монастырей и храмов, дворца губернатора и оборонительных сооружений.

Бесспорно, средневековый Антигуа был одним из красивейших городов Латинской Америки. Очень красив и окружающий пейзаж с островерхими вулканами и пышной тропической растительностью. Кругом индейцы предают сувениры — копии скульптур древних майя, открытки с видами руин городов этого индейского народа. Но самый распространенный мотив — изображения птицы Кецаль. Говорят, кецаль встречается ныне лишь в одной из провинций Гватемалы и то крайне редко. Когда-то эта птица считалась священной у древних майя. Головной убор с двумя длинными изумрудными перьями из её хвоста могли носить лишь вожди. Сама птица небольшая, ярко-зелёного цвета с алой грудкой. Видевшие её говорят, что полёт её тяжёл и некрасив. Тем не менее, птица стала символом государства Гватемала, как символом Боливии — гриф-кондор.

История Гватемалы необыкновенно интересна. Её коренные обитатели, индейцы майя, создали одну из самых ярких и самобытных цивилизаций Нового Света. В древнем государстве майя пышным цветом расцвели науки и искусства, архитектурные сооружения тех времён поражают воображение современного человека, календарь майя известен своей точностью. Одним из главных достижений цивилизации майя является создание своей письменности. Центр цивилизации находился на полуострове Юкатан, но культура распространилась на гигантской территории, включавшей в себя современную Гватемалу, Белиз, часть Мексики, Гондураса, Сальвадора и даже Никарагуа! Пусть простит меня читатель за нарушение хронологии изложения, но забегая вперед, скажу, что через два года, находясь на территории Сальвадора, нам довелось познакомиться с интереснейшим человеком, в доме которого мы даже жили в течение месяца. Хулио Сесар Масияс — гватемалец, носит высшее у повстанцев воинское звание «команда́нте». Себя называет «волонтёр революции». Гордится знакомством с выдающимися революционерами, в том числе — легендарным Че Геварой. Впервые взял в руки оружие юношей в 1954 году, когда американцы с территории Гондураса совершили вооруженную интервенцию с целью свержения пришедшего к власти в результате всенародных выборов президента Х. Арбенса Гусмана. С тех пор воевал на Кубе (в том числе участвовал в известном сражении в заливе Кочинос), во Вьетнаме, во время недавней войны против диктаторского режима в Сальвадоре командовал одним из фронтов. Но больше всего времени провёл в джунглях Гватемалы. Мы со Стасем затаив дыхание слушали его рассказы. Хулио рассказал нам интереснейший случай. Как-то небольшой отряд партизан под его командованием углубился в сельву

(джунгли) в незнакомее им место. Надо сказать, что в джунглях Центральной Америки ещё много малодоступных мест, где ещё не ступала нога исследователя. Задача, стоявшая перед отрядом — подготовить базу для возможного отхода туда основной группы в случае усиления давления карателей. Здесь необходимо было спрятать запасы продовольствия и оружия. Партизаны стали копать яму в крутом склоне длинного, заросшего густым тропическим лесом, холма. Вдруг лопаты наткнулись на камень. Попробовали разбить камень киркой. Но препятствие не поддавалось, не было даже осколков, только искры летели. Предприняли попытку обойти препятствие, но оказалось, что весь этот холм — древняя стена. Причем, камень на её строительство очевидно привозили издалека — в этих местах нет выходов гранитных: пород. Но самое интересное — это материал, связующий кладку. Если камни, слагающие стену, хотя и очень прочные, хоть как-то поддавались воздействию стальных инструментов, то цементные прокладки между ними не могла взять никакая кирка. Впрочем, этот майянский феномен известен ученым. Хотя до сих пор не расшифрован состав, которым пользовались майя при строительстве своих сооружений. Хулио заинтересовало, где же кончается этот холм, под которым, как выяснилось, пролегала каменная кладка. Он пошел вдоль стены, и она вывела его на берег реки. Но на другой стороне реки просматривалась такая же, заросшая деревьями и кустарником, возвышенность. Поднявшись на холм и взглянув в реку, Хулио увидел на дне бурного потока лежащие в строгом порядке каменные блоки, расположенные на равном расстоянии друг от друга. Вне всякого сомнения, эти блоки играли ту же роль, что и бетонные «быки» в современном мостостроении. Но ведь наука считает, что индейцы Америки не строили каменных мостов, а использовали только связанные из лиан подвесные мостики!

Пользуясь случаем, расскажу еще одну историю-предание, услышанную нами из уст Хулио Сесара Масияса:

> Давным-давно, задолго до открытия испанцами полуострова Юкатан, очевидно еще во времена завоевания Кубы или Мексики, у берегов Юкатана разбился испанский корабль. Из всего экипажа в живых осталось только трое: солдат (назовём его Франсиско Агийяр — его имени точно не помнит) и два монаха. Когда они пришли в себя на незнакомом берегу, то увидели, что к ним приближается толпа индейцев. Индейцы, обступив потерпевших кораблекрушение, с интересом рассматривали никогда не виданных ими

белых людей. Неожиданно они расступились, и вперёд вышел высокий, представительный человек, одетый иначе, чем окружающие его люди, в головном уборе из шкуры ягуара, украшенном яркими перьями. Испанцам в первую очередь бросилась в глаза множество золотых и изумрудных украшений, а также то, что незнакомца сопровождали вооружённые воины. Они поняли, что это вождь и почтительно приветствовали владыку этих мест. Вождь долго разглядывал их, их одежду, затем дал указание накормить, напоить моряков и проводить в близлежащий город. Испанцам выделили хороший дом, женщину, которая готовила им пищу, запас продуктов. Работать их не заставляли, но не в характере солдата было безделье. Как-то, бродя в окрестностях города, он набрёл на расчищенную площадку, где воины упражнялись в метании копий, камней, борьбе. Будучи солдатом и хорошо разбираясь в военном деле, Агийяр сделал несколько замечаний и продемонстрировал известные ему, но неизвестные индейцам, боевые приёмы. На следующий день испанцев посетил вождь. С помощью жестов и уже известных им слов на языке майя (к пленникам был приставлен человек, обучающий их языку индейцев), вождь обратился к ним с речью:

«Незнакомцы! Мы не звали вас к себе, но вы оказались здесь по воле неба. Нам жалко вас — посмотрите, на вашу одежду, какая она грязная и некрасивая (действительно, на монахах были полуистлевшие рясы, на Агийяре — тесные, по тогдашней моде, месяцами нестиранные, изопревшие и пропотевшие кожаные штаны, сапоги-ботфорты, уже давно потерявшие форму и подмётки, и лохмотья, бывшие когда-то рубашкой). Мы дадим вам нашу одежду. Посмотрите, какие у вас слабые светлые глаза — они болят от нашего солнца. Посмотрите, какие у вас тонкие волосы на ваших головах — вы вынуждены носить головные уборы не для красоты, как делаем мы, а для того, чтобы вас не убило наше солнце. Наконец, взгляните на вашу бледную кожу — стоит вам появиться на солнце без одежды — она начинает слезать клочьями, а тело покрывается отвратительными волдырями. Мы дадим вам наших женщин в жёны. Пусть они родят вам детей, у которых будет такая же, как у нас, золотистая кожа, которой не страшно солнце, такие же сильнее глаза, которые не будут щуриться от яркого дневного

света, и такие же красивые чёрные волосы, которые не надо накрывать шляпой. Живите среди нас, и пусть каждый найдет себе занятие по душе.»

Так и остались испанцы жить с майя. Франсиско Агийяру понравились простые и бесхитростные индейцы, их законы. Он полюбил свою жену-индианку, которую сам выбрал из незамужних девушек. Она родила ему двух прелестных детей — девочку и мальчика, в которых он души не чаял. Но, будучи испанцем, он понимал, что его бывшие соотечественники рано или поздно придут сюда и завоюют эту страну. Поэтому он принял предложение вождя и стал военачальником, готовя воинов к будущим схваткам. И действительно, благодаря его выучке индейцы нанесли испанцам ряд поражений в первых боях. Но когда на Юкатане высадился большой отряд испанцев, вооружённых огнестрельным оружием и артиллерией, индейцы были разгромлены. В числе попавших в плен оказались и наши герои. Испанский военачальник очень удивился их внешнему виду и, узнав, что они — испанцы, предложил им первым же кораблем выехать в Испанию. Монахи с радостью согласились. Агийяр же наотрез отказался покинуть ставших ему родными индейцев и выразил желание разделить их судьбу. Разгневанный его речью испанский офицер казнил его вместе со взятым в плен вождем майя.

Кстати, Хулио рассказал и ещё один удивительный случай, происшедший лично с ним. Как-то они провозили на грузовике боеприпасы. Грузовик не удержался на горной, раскисшей от дождей дороге и перевернулся. Хулио был контужен. Кроме того, он был ранен каким-то острым предметом в лицо и потерял сознание. Его и оставшегося в живых товарища подобрали индейцы и отнесли в сельву, где и поныне проживают потомки майя. Там их лечила травами и какими-то настойками старая индианка. Вылечив, она перед прощанием положила руки на голову Масияса и долго говорила непонятные слова. Прощаясь, она сказала, что «заговорила» его, и он больше никогда не будет ранен. С тех пор прошло много лет, Хулио участвовал во многих боях во многих странах, пережил самую страшную, последнюю американскую бомбежку во Вьетнаме, которую они учинили перед уходом из этой страны, но больше не имел ни одного ранения!

Ну и чтобы больше не возвращаться к этой теме (вернее, не

забегать вперед) — Хулио сказал, что знает по меньшей мере ЧЕТЫРЕ затерянных в джунглях Гватемалы древних города майя, неизвестных науке.

Находясь в Гватемале, как и в любой стране, где приходилось жить, искали выходцев из России. Даже здесь в телефонном справочнике удалось обнаружить несколько явно русских фамилий, слегка изменённых на испанский манер. Правда, вступить в контакт ни с одним носителем такой Фамилии не удалось. Зато совершенно случайно встретили пожилую женщину, работающую в германском культурном центре. Ирина Дарле, как оказалось, имела русского отца и прекрасно, почти без акцента говорит по-русски. От нее узнали, что на тихоокеанском побережье страны есть порт, носящий весьма оригинальное для Гватемалы название Кецаль, куда часто заходят суда с русской командой. На автобусе — три часа езды. Расстояние для нас плёвое. Решили попытать счастья — а вдруг встретим соотечественников! Конечно, дорога заняла больше времени — ведь добирались попутными машинами.

Порт Кецаль оказался великолепно оборудованным, недавно выстроенным современным сооружением, в котором в этот день находился единственный пароход… «Василий Ажаев» под украинским жовто-блакитным флагом! Редкое везение. Пока бегали по инстанциям, испрашивая разрешение на посещение корабля, лихорадочно пытаюсь вспомнить, что за историческая личность, а честь которой назван пароход. Вспомнить так и не сумел, лишь от третьего помощника, Владимира Сулы, узнали, что это великий писатель, написавший какой-то мало кем читанный гениальный роман, ставший классикой советской прозы. Владимир рассказал историю этого наименования, в той версии, которую слышал. Союзу Писателей СССР давалось время от времени право увековечить кого-нибудь из своих членов, давалась даже своего рода «разнарядка» на одно или несколько строящихся судов. Поступила такая «разнарядка» на два судна. Один пароход был назван именем известного в то время советского классика. Василий же Ажаев был другом этого классика, а также другом кого-то в руководстве СП. Вовремя «подсуетился» и в «узком семейном кругу» был решён вопрос с наименованием второго судна. Ну да ладно. Название судна в данном повествовании существенной роли не играет. Гораздо важнее, что команда корабля приняла нас очень тепло. Капитан уладил с властями формальности, связанные с нашим посещением корабля и мы проведя целый день в домашней обстановке и даже переночевав на борту судна, на следующий день вернулись в Гватемалу, отягощённые пакетом с гречневой

крупой (деликатесом, невиданным здесь, в Латинской Америке), тремя свежеиспечёнными буханками настоящего русского хлеба и консервами «килька в томатном соусе».

Через ту же Ирину Дарле познакомились с сеньором Карлосом, главой Еврейского культурного центра. Карлос оказался удивительно весёлым и отзывчивым человеком. При знакомстве Стас заговорил с ним на иврите, который выучил во время нашего девятимесячного проживания в Израиле, и этим просто покорил сеньора Карлоса. В дальнейшем он не раз оказывал нам помощь и поддержку. И это оказалось более чем кстати, так как решить вопрос хоть с какой-нибудь работой в Гватемале оказалось невозможно — эта страна не имела и не имеет дипломатических связей с бывшим СССР, что делает невозможным получение рабочей визы владельцами советских паспортов.

Один из наших знакомых информировал нас, что в Гватемале есть ещё один большой порт, куда часто заходят русские суда. Пуэрто-Барриос находится на атлантическом (карибском) побережье и ехать туда около шести часов. Кроме того, карта рассказала нам, что не доезжая до города, можно, сделав крюк в 12 километров, побывать на руинах древнего городища майя Киригуа, превращенного в музей вод открытым небом. Выбрав удачный день, мы тронулись в путь испытанным и самым экономичным способом — «автостопом». Естественно, такой способ передвижения занимает больше времени, и мы прибыли в Пуэрто-Барриос глубокой ночью. Переночевав в самой дешёвой гостинице, какую только смогли найти с помощью шофёра грузовика, подбросившего нас в город, утром двинулись в порт. Однако здесь нас ждала неудача. В «Капитании» нам сказали, что ближайшего парохода с русской командой следует ожидать не менее, чем через месяц. Пуэрто-Барриос нам понравился. Удалось познакомиться с президентом Федерации бокса этой провинции — начальником местной пожарной команды, обещавшим выяснить возможность моего трудоустройства в этом городе. Город небольшой, очень чистый, с прекрасной спортивной базой. Кроме того — море, которое в нашей жизни всегда играло большую роль. Мы всегда отдаем предпочтение приморским городам. Однако пора возвращаться в столицу — виза подходит к концу, а сеньор Карлос обещал через своих знакомых продлить нам гватемальскую визу. Отъехав где-то километров 60 от Пуэрто-Барриоса, выходим из машины и от развилки углубляемся по узкой тропе в лес. Вскоре лесок сменяется банановыми плантациями. Несколько километров идём в густых банановых зарослях. Из-за гигантских листьев не видно неба, кругом

огромные грозди еще зеленых плодов. Находим кисть уже жёлтых плодов, утоляем голод. И вот, наконец, Киригуа, руины древних майя. Территория ухоженная, видимо пользующаяся вниманием туристов. Гигантские многотонные каменные столбы-стелы с барельефами ритуального характера, письменами майя, заботливо укрыты крышами из пальмовых листьев. Здесь же — высокие каменные стены древних святилищ, храмов, бытовых сооружений. Бóльшая часть этих исторических памятников реконструируется. Облазив руины, сделав несколько снимков, пешком возвращаемся к шоссе. Вечером, усталые, но довольные путешествием, принимаем душ у себя в гостинице и долго не можем уснуть, делясь впечатлениями об увиденном.

Утром идём но улице и вдруг слышим, что кто-то нас окликает. Оглядываемся — выскочив из остановившегося напротив автобуса, к нам бегут Ирэна и Альфонс — те самые швейцарские друзья, что так помогли нам в Никарагуа! Воистину, мир тесен! Мы очень рады встрече, они — тоже. Оказывается, разместились они в гостинице, находящейся всего лишь в полутора кварталах от нашей. Приглашают нас в ресторан. Ресторанчик обещает европейскую кухню, видимо поэтому наши друзья остановили свой выбор на нём. Рассматриваем меню. По обыкновению, в левую часть карточки не заглядываем — внимательно знакомимся лишь с правой её частью, где проставлены цены. Они нас шокируют. Выбираем самое дешёвое блюдо, нимало не заботясь его содержимым. Альфонс спрашивает, пробовали ли мы когда-нибудь это кушанье. Услышав отрицательный ответ, берёт в руки меню и, закрыв правую часть карты ладонью, указывает на столбец с наименованиями мясных, рыбных и прочих блюд. После вкусного обеда отправляемся гулять по вечернему городу. Приглашаем их в гости на следующий день. Я обещаю приготовить борщ (как наверное помнит читатель, мы в своих странствиях никогда не расстаёмся с походной плиткой, котелком и кипятильником). Утром Стас отправляется в город, я занят приготовлением обеда. Борщ удался на славу. Ирэна и Альфонс съели по две тарелки, что было воспринято мною как наивысшая оценка, так как ещё в Никарагуа я заметил, что едят они очень мало. Очевидно, следят за фигурой. Для нас это — роскошь, так как не первый год едим не тогда, когда хотим, а когда можем.

На следующий день отправляемся в Зоопарк. Здесь он просто великолепен! Удивительно ухоженные, сытые и, по-моему даже вымытые, животные располагаются в огромных вольерах, копирующих естественную среду обитания. Широко представлена флора и фауна практически всех климатических зон планеты. Нет

только представителей животного мира бывшего СССР. Даже медведи — из Канады и Штатов. Видимо и для животных всесильное ведомство «миграсьон» — непроходимый барьер…

Сильное впечатление произвёл на нас Историко-Этнографический музей. Экспонаты дают возможность как бы заглянуть вглубь веков, ознакомиться с бытом обитателей Доколумбовой Америки. Этому способствует большое количество объёмных панорам с великолепно продуманной композицией и безупречно выполненными фигурками людей, животных и пейзажами. Редко в какой стране — пожалуй, только в Мексике, нам удавалось любоваться столь великолепной экспозицией.

С грустью провожаем наших друзей в аэропорт. В Европе разгар зимы. Мы тоже мечтаем о снеге… Обмениваемся адресами. Им даём адрес Санкт-петербургских родственников. Уговариваем обязательно побывать в лучшем городе мира — Санкт-Петербурге. Наблюдаем, как серебряная комета «Боинга» набирает высоту и, превратившись в блестящую точку, растворяется в синеве гватемальского неба…

Уже совершенно очевидно, что закрепиться в Гватемале не удастся. Но и куда двигаться дальше — неизвестно. Несмотря на неоднократные наши походы в посольство Мексики, ходатайства наших друзей, мексиканскую визу получить не удалось. Случайно полученная нами ещё в Эквадоре, виза этой страны давным-давно просрочена. Всё чаще приходит в голову мысль попытаться перейти гватемальско-мексиканскую границу нелегально. Наш друг, Карлос, отговаривает нас. Действительно, в связи с восстанием индейцев — жителей штата Чиапас, расположенного на границе с Гватемалой, это по меньшей мере, небезопасно. Наши взоры обращаются на Восток, в сторону Карибского моря. Решаем ехать в полюбившийся нам город Пуэрто-Барриос, где, может быть, удается пристроиться на корабль, идущий на Ямайку или ещё какой-нибудь остров Карибского направления.

По прибытии в Пуэрто-Барриос, связываемся с президентом Федерации бокса этой провинции, ещё в предыдущую нашу поездку обещавшим свою помощь и поддержку. Он устроил нас в спортивном центре, где мы могли жить бесплатно, что было весьма кстати, учитывая переживаемые нами материальные трудности. Здесь же мы могли готовить себе пищу, пользуясь своей походной плиткой. За эти удобства я обещал помогать местному тренеру в проведении тренировочных занятий. Большую пользу принесло нам знакомство с алкальдом Пуэрто-Барриоса. Он рекомендовал нам выехать в Белиз и попробовать там получить мексиканскую визу. В Белиз, вернее, в его южный порт Пунта-Горда, из Пуэрто-Барриоса регулярно ходит

небольшой пароход. Сеньор алкальд обещал приобрести для нас билеты на этот катер, а также решить проблемы с иммиграционными властями. В пользу этого, «белизского» варианта говорило также то, что визу этой страны мы могли получить прямо там, в Пунта-Горда. Интересно, что Гватемала не считает Белиз иностранным государством. Поселения английских колонистов на территории Белиза, входившего в состав испанской колонии Гватемала, появились ещё в 17 веке. В основном это были пираты и колонисты с острова Ямайка, использовавшие труд рабов-негров на заготовке ценных древесных пород. С тех пор между испанскими властями и английскими колонистами происходили многочисленные столкновения. В 1862 году Англия официально объявила Белиз своим владением. Но Гватемала продолжала считать его своей территорией. В 1966 году правительстве Гватемалы столь же официально объявило Белиз Восточным Департаментом Республики Гватемала. До сих пор не смирившиеся со столь ценной потерей, гватемальцы на всех картах Гватемалы и Центральной Америки окрашивают территорию Белиза в цвета Гватемалы, а границу обозначают в вице демаркационной линии. Итак, Белиз?

9. Белиз

И вот мы в последней Центральноамериканской стране с экзотическим названием Белиз, являющейся предметом спора между двумя могущественными державами — Великобританией и Гватемалой. Белиз занимает южную часть полуострова Юкатан, на западе и юге граничит с Гватемалой, на севере — с Мексикой. Южная граница с Гватемалой проходит по Рио-Дульсе («сладкая река»). Что мы знаем об этой стране? Да совсем немного… А между тем это огромная территория, площадью превышающая Геленджикский район Краснодарского края! Впрочем, может и не больше… Откуда мне знать, какова площадь Геленджикского района! А вот площадь Белиза знаю — 23 тыс. кв. км. Правда, заселена она местными жителями негусто. Всего 171 тыс. человек. Белиз — бывшая британская колония. Но номинальным главой государства и поныне является английская королева, портрет которой украшает местную валюту — белизские доллары (2 белизских доллара = доллару США). Столица — город Бельмопан. До недавнего времени почётную эту обязанность исполнял город Белиз — гигантский мегаполис (численность населения 43 тыс.621 человек), который и поныне остаётся главным городом страны. Бельмопан — чуть более 4 тыс. человек, включая численность расквартированных здесь частей британской и белизской армий. Стасик заявил, что более смешной столицы он еще не видел. А Стасу можно доверять — он повидал уже много столиц! Дело в том, что кроме нескольким трехэтажных правительственных зданий, размерами уступающих Геленджикскому Горисполкому, и какого-то количества одно-двухэтажных домиков отелей и личных апартаментов бельмопанцев, рассеянных по огромной и очень зелёной территории, здесь ничего нет! Машин немного, воздух чистый, утром просыпаемся от птичьего шухера. И это — СТОЛИЦА?!

Приехали мы сюда вечером из приморского городка Пунта-Горда, куда добрались на небольшом стареньком пароходике из гватемальского Пуэрто-Барриоса. Наше прибытие на пристань Пунта-Горда произвело небольшую сенсацию. Здесь ещё никогда не видели русских! А миловидная негритянка — офицер иммиграционной службы — настолько была потрясена видом наших советских паспортов, что надолго задержала очередь, стоящую за нами. Она долго связывалась по телефону со своим начальством и, судя по количеству набранных номеров, инструкции в отношении нас она получила непосредственно от самого Премьер-министра. И инструкции эти были весьма

благоприятны для нас. Во всяком случае, наши паспорта украсила месячная виза — и при этом совершеннее бесплатно! Для других же пассажиров парохода (исключая граждан США, Англии и Канады) стоимость только одной въездной визы — 25 долларов США! Вот везде бы так!

Сев днём (в 12) в автобус, идущий в Бельмопан, мы весь день петляли по каким-то проселкам (дороги в Белизе, прямо скажем, не в лучшем состоянии), глотая пыль от редких (слава Богу!) встречных машин и где-то только к восьми вечера вышли на столичную площадь. И тут же были нокаутированы ценами в местных отелях. В отчаянии и поисках подходящей для ночлега скамейки (мы в подобных случаях спим по очереди), я обошёл площадь и наткнулся на пожарную часть, которую бдительно охранял добродушного вида темнокожий полицейский, заинтересовавшийся целью моих манёвров вблизи охраняемого им объекта. Выслушав наш рассказ и посочувствовав, он предложил переночевать в пожарной машине, на что мы с благодарностью согласились. Утром, познакомившись с симпатичной негритянкой — женой нашего нового друга и четырьмя очаровательными дочурками, старшей из которых было лет восемь, направились на поиски нужной нам организации и уже вечером блаженствовали в стерильных покоях отеля «Рэй» под струями горячего душа.

Разыскав пару подходящих кирпичей и тайком пронеся их в свой номер, установив походную электроплитку, мы тут же стали готовить обед. Меня развеселила перспектива, нарисованная Стасиком, который предположил, что даже оказавшись в номере пятизвёздочного «Хилтона» (почему бы не пофантазировать?) мы, в целях экономии, а больше по привычке, стали бы и там готовить себе пищу с помощью плитки и кипятильника. Я очень живо представил себе лица обслуживающего персонала дорогого отеля, заставших нас за этим занятием в апартаментах, стоящих две тысячи долларов в день… Впрочем, думаю, реакция администрации «Рэя», в котором останавливаются солидные бизнесмены и туристы из западных стран, мало чем отличалась бы от реакции их коллег — служащих «Хилтона». Поэтому были приняты все меры конспирации. Посвежевших, отдохнувших за два дня проживания в давно не виданных условиях, нас переселили в небольшой дом, принадлежащий той же организации с загадочной для вас (но не для нас!) аббревиатурой «УНХКР», где мы начали новую жизнь. Нам выделили комнату, два роскошных матраца (толстенные куски плотного поролона), два комплекта простыней и сказали: «Живите». А чтобы это пожелание не осталось пустым звуком, выделили целый чувал

продуктов, состоящий из двух мороженых кур, килограммов семи риса, муки, фасоли, сахара и еще чего-то по мелочи. И стали мы членами интернационального коллектива, состоящего из эмигрантов — доктора из Сальвадора, кубинца-психолога и ещё одного, пока еще только раз виденного, чернокожего либерийца, профессию которого мы ещё не успели узнать. Надеемся, что она окажется нам ближе, чем, к примеру, водитель танка или пулемётчик.

Условия для жизни более чем сносные. Туалет с душем (правда только с холодной водой, но в этом климате это не беда), кухня с газовой плитой, холодильник, «кают-компания» с большим столом и набором посуды. Большой двор с несколькими кокосовыми пальмами, усыпанными орехами… Что еще надо? Есть возможность пожить, оглядеться. С понедельника начнём искать что-нибудь подходящее с работой. Кубинец, Густаво, уже подрабатывает. Эксплуатирует, так сказать, славу кубинского спорта. Здесь, в Латинской Америке, авторитет кубинского спорта необычайно высок. И это, конечно, справедливо. Зато любой кубинский эмигрант, имеющий спортивную подготовку в пределах школьной программы или спортивной школы первой ступени, может с успехом выдавать себя за тренера высшей квалификации. И ему поверят! Вот и Густаво, когда-то несколько месяцев занимавшийся каратэ в каком-то полулегальном клубе, познакомившись с кем-то из мэрии, получил время в спортивном зале, где мальчишки и девчонки, прослышавшие о «кубинском тренере», платят деньги за занятия. Часть денег Густаво отдаст хозяину клуба, остальные — себе. Благо, для его занятий не нужно никакого инвентаря. Пригласил меня как-то на занятия. Меня он стесняется, так как знает, что я профессиональный тренер и, в отличие от белизцев отлично знает, кому кубинский спорт обязав своими достижениями (как это ни покажется странным, мало кто в Латинской Америке — кроме, может быть, никарагуанцов и специалистов — знает, что большинство видов спорта на Кубе «ставили» советские тренеры). Посмотрев его занятия я от комментариев дипломатично воздержался. Стасик же, имея отца-тренера и с самого рождения проводящий много времени в зале (поневоле) и насмотревшийся за многие годы тренировок и соревнований, заявил мне: «Он такой же тренер, как я — французский летчик!» Но, как говорится, это его дело. Тем более, зарабатывать как-то надо… Но, честно говоря, я не стал бы тренировать, к примеру, шахматистов, хотя и играл когда-то в силу третьего разряда, только потому, что советская шахматная школа не нуждается в рекламе. Ну, да ладно.

Для переговоров насчёт трудоустройства необходимо ехать в

Белиз, где находятся все организации, ведающие спортом. Нас со Стасем весьма привлекают (в смысле жизни) небольшие города на Карибском побережье. Одна проблема — жители Белиза /в основном, «морено» — карибские негры) говорят на так называемом «креольском английском», представляющем собой чудовищную смесь английского, испанского, французского и Бог еще знает, каких ещё, языков. Но Стась их понимает.

Интересная деталь: заборы, коньки крыш здесь украшают большими раковинами «караколла». Ну, теми, что стоят больших денег в наших комиссионных магазинах. Ими же обкладывают садовые дорожки, клумбы. Здесь в этих раковинах ценится, так сказать, не форма, а содержание. Точнее — содержимое. Мясо этих моллюсков продается здесь (как и в Гватемале, и в Панаме) в магазинах и стоит недёшево. Надеемся когда-нибудь попробовать.

А пока обживаем новое место, мы за эти годы прошли хорошую школу выживания, научились готовить пищу из любого, попавшегося под руку, съедобного продукта. Научились, также мгновенно укладывать свой нехитрый (хотя, к несчастью, объёмный) багаж и столь же быстро раскладывать необходимые вещи так, чтобы были всегда под рукой. Оказавшись в новом для нас месте, мы тут же пользуемся любой возможностью постирать и высушить одежду, принять душ. Поэтому, всегда чисто одетые, пахнущие мылом и дезодорантом, бритые и подстриженные, мало чем похожи на туристов или, по Стасиному выражению, «бомжей», которых часто встречаем на своем пути. Может быть, поэтому у нас везде появляется много друзей — американцев, канадцев, европейцев, с брезгливостью относящихся к опустившимся эмигрантам.

Понедельник оказался туманным и нежарким. Встали пораньше и двинулись на автовокзал. Дорога в Белиз заняла чуть больше часа по весьма живописной местности и неплохому шоссе. Пока доехали, солнце растопило туман и бывшая столица, разжалованная в рядовые, предстала перед нами во всей своей красе. Белиз очаровал обилием воды и необычной для Латинской Америки архитектурой. Дома, в основном, деревянные, двухэтажные, стоят вдоль узких улиц, тесно прижавшись друг к другу. Тротуаров почти нет. Крыши по большей части двускатные (английский стиль). А кругом — каналы, каналы, заполненные зелёной водой, в которой кишат мальки рыб. Свободная от асфальта почва изрыта норками, в которых живут довольно крупные земляные крабы. Они такие быстрые, что поймать их невозможно. Правда, местные жители как-то ухитряются это делать, на местном рынке их продают связками по шесть-двенадцать штук. Некрутые арки мостов, берега каналов

закреплены серыми от старости деревянными сваями… Чем-то напоминает окраины старого Питера.

Ощущение того, что попали в Африку. Во всяком случае, редко встречающиеся на улицах белые люди кажутся пришельцами из другого мира. Цвет кожи остальной публики поражает количеством оттенков, в основном, темной части спектра. От светло-коричневой до угольно-чёрной. Среди причёсок преобладают африканские. Самая распространенная представляет собою большую копну валяной шерсти, почему-то оранжевого или пепельного, с желтизною, цвета. Иногда в комплекте с причёской — огромный вязаный берет, закрывающий голову чуть не до плеч. И, почему-то обязательно грязный. А лица некоторых встречных белизцев заставляют Стаса повторять в различных вариантах одну и ту же фразу: «…С таким лицом — и на свободе?!» Возможно, мы не очень объективны в опенке внешних данных прохожих, но видимо тут играет большую роль психологический настрой: наши знакомые так запугивали нас рассказами о разгуле преступности в этом городе, что даже нам, прошедшим чуть не пешком всю Латинскую Америку, посетившим города Бразилии, Перу, Колумбии и Никарагуа, славные своими криминальными традициями, было не по себе… Как и следовало ожидать, рассказы эти не нашли своего подтверждения в действительности. Никто не делал попытки напасть на нас с какой бы то ни было нехорошей целью, хотя мы провели весь день в осмотре города, углубляясь в достаточно удаленные от центра кварталы. Более того, все, к кому мы обращались с вопросами, демонстрировали дружелюбие и подробно, даже слишком пространно объясняли маршрут. Возможно, нам просто повезло. А может быть у местных мафиози настолько намётанный глаз, что им с одного взгляда становилось ясным — наши карманы набиты проблемами, а не денежными купюрами…

С большим трудом нашли то, что искали — здание Департамента Спорта, в котором застали не только консула, ведающего вопросами спорта (кстати, англичанина), но и Президента Федерации бокса (на этот раз — очень черного белизца). Из того, как радушно нас встретили и дотошно изучали мои документы, можно сделать предположение, что наша беседа по поводу моего возможного трудоустройства имеет определённые шансы на продолжение.

Договорившись о дне очередного контакта, до которого наш вопрос должен быть изучен, продолжили знакомство с городом. Надо сказать, Белиз нравится нам всё больше. Стасик даже заявил, что готов прожить здесь хоть всю жизнь. И правда, город

уникален для Латинской Америки и имеет сходство скорее с городами Малайзии, как они нам запомнились, чем с другими населенными пунктами центральноамериканского региона.

В устье реки Хауловер-крик, рассекающей город на две почти равные части, стоянка множества яхт и парусных шхун, что не могло не произвести впечатления на нас, особенно на Стасика, с девяти лет «больного» парусным спортом. Синяя даль Карибского моря, лёгкий бриз шелестит огромными перистыми листьями пальм на набережной, крошечные пятнышки островов на горизонте… Идиллия!

Однако пора возвращаться в Бельмопан. По прибытии наконец-то знакомимся с нашим третьим соседом — либерийцем, который, оказывается вовсе не либерийцем, а представителем солнечной, тоже африканской страны Ганы, уехавшим из прекрасной Аккры по одному ему известным причинам. Даниэль — приятный собеседник, в свои тридцать, с небольшим лет, исколесившим около двух десятков стран. Очень набожен. Говорит, что в молодости испробовал всё, вплоть до наркотиков, но понял, что это — великое зло, и встал на путь истинный. Самая большая мечта Даниэля — посетить Святую Землю — Израиль, и он страшно нам завидует, что нам довелось пожить там некоторое время. Думаю, Даниэль готовит себя к стезе проповедника (надеюсь, не пророка) и постоянно оттачивает своё мастерство, два раза в неделю собирая у себя (в нашей кают-компании) молодых чернокожих эмигрантов из африканских стран и изучая с ними Библию. Стас метко назвал эти сборища «политзанятиями». Наш темнокожий друг многое умеет. Под его руководством Стас учится печь хлеб — и не без успеха. И это — здорово, если учесть, что хлеб здесь дорог и невкусен, а мука, выданная нам вместе с другими продуктами, уже много дней лежит бесцельным грузом. Кроме того, по утрам Даниэль со Стасом занимаются «утренней зарядкой» — метанием палок с целью сшибить с пальм, растущих у нас во дворе, побольше кокосовых орехов. Затем они очищают их от волокнистой кожуры, а твёрдое, как кость коричневое ядро раскалывают, извлекая белую твёрдую сердцевину. Мало того, что она сама по себе вкусна, Даниэль трёт её на тёрке, а полученную белую сладковатую массу отжимает через марлю. Получается густое белое «молоко», ничего общего не имеющее с тем кокосовым соком из незрелых орехов, которым утоляют жажду в тропиках и называют «кокосовым молоком». Это белое «молоко» Даниэль использует для различных кулинарных нужд. Он замешивает на нем тесто для булочек и печенья, добавляет в суп. Но особенно вкусна рыба, тушённая в этом «молоке».

Суббота. В этот день встали очень рано. Наш кубинец, Густаво, обещал свозить нас в город Сан-Игнасио, что на границе с Гватемалой. У Густаво, оказывается, есть машина, купленная с кем-то на паях. До Сан-Игнасио ехали меньше часа по хорошей дороге и прекрасной местности. Там Густаво остался решать какие-то свои вопросы, мы же, сев в автобус, проехали ещё километров десять. Выйдя в указанном месте, переехали на ручном паромчике реку. Паромчик был битком набит чернокожими детишками-школьниками, совершающими экскурсию под руководством двух преподавателей. Далее — километра четыре — по грунтовой дороге, проложенной в джунглях. И вот, наконец, цель нашего путешествия — руины древнего города майя. Да, это не Киригуа в Гватемале, где нам довелось побывать пару месяцев назад и которое тогда произвело на нас большое впечатление. Руины Киригуа в сравнении с руинами Сан-Игнасио, всё равно, что деревня рядом со столичным городом. Взобравшись на вершину одной из реставрируемых пирамид, мы были потрясены открывшейся панорамой. Высота же ничем не огражденной каменной площадки такова, что буквально перехватывает дыхание от страха. На краю площадки, свесив ноги вниз, сидят несколько туристов-канадцев. Естественно, Стасу до невозможности захотелось сфотографироваться в такой же позе. Я попытался его вразумить — они-то могут себе что позволить, что с ними случится, у них страховка и всё такое… Опять же — уровень жизни… Но никакие словесные уговоры не подействовали, пускать же в ход более веские аргументы на такой высоте я не решился. Пришлось, скрепя сердце, зафиксировать его для потомства на вершине пирамиды майя. Немного опасаюсь за качество снимков, так как унять дрожь в руках не всегда удавалось. Эта пирамида — не единственный примечательный объект раскопок. Еще более впечатляет вид, открывшийся нам с одной из площадок храма, расположенного напротив. К нашему великому огорчению в нашей камере была лишь одна плёнка, а на ней — только четыре свободных кадра. Тем не менее, по стасиному выражению, мы «хорошо подбили один глаз Сенкевичу». Дело в том, что в своё время, мы слишком буквально восприняли призыв, брошенный одним из наших юмористов-сатириков: «Хватит глядеть на мир глазами Сенкевича!». И превратили его в своего рода девиз. С тех пор наше нескончаемое путешествие превратилось в затяжной поединок с Юрием Сенкевичем и его «клубом путешественников». В сравнении с её накалом даже дуэль Людоедки-Эллочки Щукиной с миллионершей Вандербильд в «12 стульях» — детский лепет. Но где бы мы ни побывали до сих пор: у дворца ли

китайских императоров в Пекине или у Стены Плача в Иерусалиме, на высокогорном ли озере Титикака в Боливии или в катакомбах Францисканского монастыря в Лиме — везде вспоминали, что где-то, когда-то, в передаче «Клуба Путешественников» это уже было, было, было!.. Но сейчас с уверенностью можем сказать: мы ПЕРВЫЕ русские, побывавшие на руинах Сан-Игнасио! Что и зафиксировано надлежащим образом в «Книге Посетителей». Наша уверенность зиждется не только на заверениях пожилого смотрителя, работающего здесь чуть ли не с начала раскопок, но и на том, ставшем известным нам факте (кстати, вошедшем в историю Белиза), что только в 1990 году (!) на рейд Белиза пришло русское судно, и, постояв какое-то время, удалилось. Никто не знает, зачем оно вошло в территориальные воды Белиза, что здесь делало и почему, так и не высадив на берег ни одного человека, исчезло ночью. Загадочная история… Но вернёмся к нашей маленькой победе над уважаемым и любимым нами Юрием Сенкевичем. Помнится, была передача (и не одна!), посвящённая великой цивилизации майя. На экране мелькали кадры, снятые в Тикале, Чичен-Ице и других древних городищах. Но вот из Сан-Игнасио… Нет, не было.

Увы, не все открытия, сделанные нами в Бельмопане, относятся к категории приятных. В частности, выяснилась природа исчезновения у нас и других членов нашего коллектива некоторых продуктов, по большей части, консервов. Приписываемые поначалу полтергейсту и другим загадочным явлениям сверхъестественного порядка, пропажи эти, как выяснилось — дело рук того самого «доктора» из Сальвадора, о котором я уже упоминал в начале главы. Впрочем, к моменту открытия, нам уже было известно, что сей доктор к медицине имеет весьма отдалённое отношение. Молодым ребятам — беженцам из того же Сальвадора, он предстал в романтическом ореоле «герильеро» — борца против диктатуры. Наш темнокожий друг из Ганы, Даниэль, знал его вначале как пастора (правда, неизвестно какой конфессии). Представленный в качестве доказательства тесной связи Владимира (да-да, я не оговорился — именно так зовут героя этих записей) с религией, экземпляр Библии оказался на английском языке, которым наш сальвадорец владеет немногим лучше, чем китайским или, например, языком «фарси», о котором, думаю, не слышал вовсе.

После первого нашего знакомства с ним выяснилось, что Владимир имеет проблемы со здоровьем, а также материального характера. По непонятным причинам, официальные лица организации, шефствующей над всеми нами, оказывающей

продовольственную поддержку всем беженцам и эмигрантам, не выдают ему, беженцу из охваченного гражданской войной Сальвадора, никаких продуктов. Наше сочувствие выразилось в приглашении Владимира к столу как во время первой нашей трапезы на новом месте, так и в последующие дни. Аппетит нашего нового друга радовал нас, так как внушал надежду на успешное преодоление трудностей, связанных с загадочным комплексом болезней, поразивших Владимира, в результате чего уборка за собой в душевой комнате или мытьё посуды стали для него непосильным бременем. Добровольная наша помощь бедняге и в этом вопросе, очевидно, пришлась ему по вкусу. Приятно было видеть его, повеселевшего, в хорошем настроении осваивающего азы музыкальной грамоты с помощью гитары кубинца Густаво (которую, как оказалось, брал из чужой комнаты без всякого разрешения). Хорошему настроению сопутствует и хороший аппетит. Из заготовленного с вечера на следующий день плова непонятным образом стало исчезать мясо (справедливости ради следует уточнить, что рис и хорошо обглоданные кости в кастрюле остались). Улетучились две запечатанных банки сухих дрожжей, вместо которых появилась одна, но распечатанная. Только что открытая банка сухого молока утром оказалась полупустой, а банка консервированных сосисок из «НЗ» растворилась в воздухе чуть не на глазах. Такими же свойствами исчезать и уже не появляться, как оказалось, обладают не только продукты, полученные в Бельмопане, но и сохраняемые в качестве «неприкосновенного запаса» еще с Гватемалы. А ведь хранились они на дне рюкзаков в закрытой комнате… Сверхъестественные силы, столь бесцеремонно хозяйничающие в нашей комнате и кухонном шкафу, оказывается, не обходили своим вниманием и личные апартаменты наших соседей. На небольшой конференции посвященной полтергейсту и другим загадочным явлениям в нашем доме, проведанной в отсутствие Владимира, кубинец Густаво, Даниэль и двое новых соседей, дали толкование пропажам, на удивление совпадающие с нашими наблюдениями, а последующая проверка полностью разрушила версию о вмешательстве потусторонних сил. Получасовая вечерняя беседа с нашим, теперь уже бывшим, другом, проведенная при участии всех заинтересованных сторон, инициатором которой был Стас (что, ему больше всех надо?) выявила серьёзные расхождения между Владимиром и остальными членами общежития в трактовке таких понятий, как «честность», «порядочность» и другие. А эти различия автоматически делали проблематичной возможность нашего совместного проживания под одной крышей. Через день Владимира не стало (он перебрался в другое место),

но память о нём жива. Во многом благодаря сообщённым им в определенные организации сведениям о вовсю работающем в нашей комнате предприятии по производству наркотиков. Продукцией этого предприятия, замаскированной под «липтоновский чай», мы неоднократно угощали того же Владимира, в результате чего он чуть не перешел «в мир иной». Во избежание этого нежелательного перемещения он и был вынужден передислоцироваться в место нового проживания. На душе стало легче, когда сквозь щель подготовленного к транспортировке ящика нашему взору предстал весьма значительный запас металлических банок с консервами. По общему мнению, с таким запасом продовольствия, Владимир может без опасения за свою жизнь высаживаться на любом необитаемом острове.

Стас принялся осваивать гитару под руководством Густаво. Уже кое-что получается. Решил поддержать его морально. Говорю: «Учись, скоро нам это понадобится. Будем петь на улицах и зарабатывать себе на пропитание. Я уже название придумал нашему дуэту — „Русо Марьячос“. Уверен, будем зарабатывать много-много денег!» Скептик Стас усомнился: «Кто же нам платить будет?» Говорю: «Ещё как будут! Вдвое больше, чем другим! Им платят, чтобы пели, а нам будут — чтобы не пели»…

Даниэль убил в душевой двух больших пауков, немного положит на маленьких крабов. Говорит, что они опасней скорпионов. Этого нам только не хватало! Вообще, пауков здесь великое множество. Но в большинстве своём, безобидных. Есть один, небольшой такой крепыш. Его здесь зовут «паук-волк». Паутину не раскидывает. Бегает по стенкам и, завидев муху, комара или ещё какую букашку на стене, подкрадывается, а затем… прыгает! Прямо как тигр! Вообще, если вдуматься, явление необъяснимое. Посудите сами: законы притяжения существуют не только для человека и других крупных животных. Стена вертикальная. Отрываясь от неё в прыжке, паучок неминуемо должен упасть!

Уже более месяца мы в Белизе. Честно говоря, рисово-фасолевая диета порядком осточертела. Двух несчастных кур, выданных месяц назад мы, не без помощи Владимира, «оприходовали» еще в первые десять дней. Консервов из «НЗ», опять же благодаря тому же Владимиру, тоже почти не осталось.

Звонили в Белиз, в Федерацию бокса. Нас успокаивают: «Мы заинтересованы в вашей работе здесь. Но необходимо решить ряд вопросов. Вами занимается министр!» Ну, если сам министр занимается, нужно запастись терпением… Это нам знакомо! А терпение-то на исходе.

Снова поехали в Белиз. Без предупреждения. Но — вот досада! — консул в отъезде, Президента Федерации бокса тоже не застали. Гуляя но городу, увидели на флагштоке мексиканский Флаг. Консульство Мексики. Решили зайти. Секретарю сказали, что хотим видеть консула по личному вопросу. Естественно, о том, что русские — не сказали. Думаем, консул вряд ли принял бы нас, но наш внешний вид многих вводит в заблуждение. Нас всегда принимают либо за немцев («алеман») из-за светлых волос и голубых глаз, либо за «гринго» — североамериканцев, с которыми во всех посольствах и консульствах обращаются очень почтительно. Мы слышим через окошечко, что секретарь назвал нас «какие-то гринго». Естественно, нас тут же принял консул. Он очень удивился, увидев перед собою русских. И это — в Белизе! Мы начали издалека. Я сказал, что я — тренер по боксу и на турнире в Колумбии получил личное приглашение на работу в Мексике. Услышав это, консул оживился. Выяснилось, что он большой поклонник этого вида спорта, в молодости сам занимался, но и сейчас внимательно следит за всеми крупными соревнованиями, тут он сказал, что ему очень нравится один русский боксёр, недавно ставший здесь, в Мексике, чемпионом мира среди профессионалов. И назвал фамилию Юрия Арбачакова! Этого питерского боксера я знаю ещё юношей, о чём я и сказал консулу. Еще немного поговорив на интересующую его тему, я перешёл к делу. К моему удивлению, никаких проблем при оформлении визы не возникло! Консул передал наши паспорта секретарю и опять завёл разговор о боксе. Минут через десять вошел секретарь с нашими паспортами, в которых уже красовались мексиканские визы и отдал их на подпись консулу. Мы увидели в этом «перст Судьбы».

Переночевав в последний раз в нашем «общежитии», мы уже утром, провожаемые Густаво и Даниэлем, прибыли на автобусный терминал. Тепло попрощавшись с друзьями, выехали в Белиз, где пересели в автобус, идущий в пограничный город Коросаль. Небольшая заминка произошла на мексиканском пограничном пункте. Не очень плотно приклеенная виза с слегка отставшим уголком, вызвала подозрения офицера-миграсионщика. Взяв мой паспорт и оставив меня в напряжении, он скрылся за дверью начальника. Неужели повторится Гвасауле? Но нет, офицер снова сел на своё место и быстро оформил документы. Перейдя границу, двинулись к виднеющемуся вдали городу Четумаль. Неожиданно Стас судорожно хватает меня за руку: «Папа, ты видел, кто проехал в той машине?!» «Где, кто?» — я верчу головой, тщетно пытаясь рассмотреть водителя проехавшей машины. «Да мексиканец же!» — смеётся Стас…